№ 651. 10 к.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

Э. К. Пименова

НАПОЛЕОНЪ I

Историко-біографическій очеркъ

Книгоиздательство
„ПОЛЬЗА"
В. АНТИКЪ и К°.
МОСКВА.

SHOUT
SHARE
IT

- Эмилия Кирилловна Пименова
  -
  - ГЛАВА I
  - ГЛАВА II
  - ГЛАВА III
  - ГЛАВА IV
  - ГЛАВА V
  - ГЛАВА VI

Эмилия Кирилловна Пименова
Наполеон I

Историко-биографический очерк

ГЛАВА I

Исторический момент. — Детство Наполеона. — Период Корсиканского патриотизма. — Революционные мысли. — Протест в Национальное Собрание. — Речи о счастьи. — Презрение к людям.

«Я родился, когда 30.000 французов, ринувшись на берега моей родины, залили престол свободы потоками крови… Крики умирающих, стоны и жалобы обиженных, слезы отчаяния окружали мою колыбель… Я родился, когда умерло мое отечество!»…

Такими краткими и сильными словами, в письме к корсиканскому национальному герою Паоли, написанном в июне 1789 года, Наполеон определяет исторический момент своего появления на свет. Действительно, будущий повелитель Франции и победитель Европы, увидал свет в августе 1769 г., как раз в то время, когда его родина Корсика снова подпала под французское владычество. Предки его были итальянского происхождения, родом из Тосканы, где они получили дворянское достоинство, а отец его, Карло Буонапарте, был скромным адвокатом в Аяччио.

Когда началось в Корсике национальное движение, то Карло Буонапарте примкнул к нему, как и все его соотечественники, и даже был секретарем народного вождя Паоли, для которого он составил воззвание, призывавшее корсиканцев на последнюю борьбу. Мать Наполеона, Летиция Буонапарте, сопровождала своего мужа в лагерь Паоли, перед последним решительным сражением, происходившим в мае 1769 г. После поражения корсиканцев Паоли отправился в изгнание, но Карло Буонапарте не последовал за ним. Он перешел на сторону победителей и сделался одним из самых ревностных членов французской партии, за что, конечно, пользовался покровительством новых господ Корсики. Он даже не раз ездил в Версаль в качестве депутата от местного дворянства. Во время одного из таких путешествий он умер, оставив без всяких средств жену и восемь человек детей. Наполеону было тогда пятнадцать лет.

Отец Наполеона, за свои услуги французскому правительству, получил право отдать одного из своих сыновей на королевский счет в бриеннскую военную школу. Он отдал туда своего второго сына, Наполеона, когда ему шел десятый год. Старший же его сын, Иосиф, готовился в то время к духовному званию.

Бриеннская школа была одним из двенадцати учебных заведений, основанных Людовиком XV для сыновей офицеров. Но

кроме формы, которую носили воспитанники, это учебное заведение ничем не напоминало своего назначения. Оно находилось под руководством францисканцев, из числа которых были и большинство учителей. Программа обучения была весьма узкая: изучение французской литературы, упражнение в стиле, немного истории, географии и математики, латинского и немецкого языка. Но больше всего места отводилось религиозному обучению. Курьезнее всего, что в этой военной школе совсем не проходили предметов, которые могли бы служить подготовкой к военной службе. В сущности, это был монастырский пансион, по духу и по своей организации, с очень строгими правилами и религиозными упражнениями. Воспитанников никуда не выпускали из школы, и они не смели ничего получать из дому, ни денег, ни подарков. Такое воспитательное заведение, впрочем, вполне отвечало духу старинной монархии, объединяющей корону, аристократию и церковь. Товарищи Наполеона принадлежали к семьям, которые уже многие века находились на службе королей. Для них такое воспитательное заведение казалось вполне естественным, так как традиции их семей были такие же. Но каково было там корсиканскому мальчику, который даже и говорить-то не умел хорошо по-французски! Как должен был чувствовать себя маленький корсиканец, из которого насильственно хотели сделать француза, среди товарищей, относившихся к нему свысока и подсмеивавшихся над его выговором и над его странным именем! Само собой разумеется, что ранние впечатления, полученные Наполеоном на родине, залегли у него глубоко в душе. Корсику он всегда считал своим отечеством, вплоть до того момента, когда бесповоротно связал свою судьбу с судьбою Франции. Хотя он был увезен из Корсики девятилетним мальчиком, он страстно любил ее, и даже его любимым героем был корсиканский патриот Паоли. Наполеон прямо-таки боготворил его. Нет сомнения также, что многие черты корсиканской жизни оставили на характер мальчика глубокие следы, и многие из историков Наполеона находили, что в лице его как бы воскресли его предки, итальянские кондотьеры.

Ничто не связывало Наполеона с французским королем и его страной, и к Франции он относился неприязненно, видя в ней поработительницу своего отечества. Поэтому он в школе держался особняком от своих товарищей, французских дворянчиков, к чему впрочем, побуждали его и самолюбие, и его бедность. Сначала ему было трудно учиться, потому что он плохо знал язык. Но настойчивость и сила воли помогли ему, и он скоро выделился по математике и истории. Математику он изучал с

большим рвением, потому что мечтал сделаться моряком. История же давала ему пищу для его фантазии, и он прятался где-нибудь в самых уединенных закоулках сада и школы, чтобы читать Плутарха, упиваясь великими образами классического мира, которые всегда сливались у него с корсиканскими воспоминаниями о старых временах, о своих предках и о последних борцах за корсиканскую свободу, воплощавших в его глазах все идеалы античного мира героев.

Благодаря своему упорному труду в бриеннской школе, Наполеон был переведен в 1784 году в Парижскую военную академию. В этом году он, в последний раз, виделся с отцом, который умер в марте следующего года от той же болезни, от которой умер впоследствии и Наполеон, на острове св. Елены.

Парижская военная академия, куда попал Наполеон, была таким же созданием Людовика XV и лишь ступенью выше бриеннской школы. В ней также клерикальный дух смешивался с аристократическим, но устройство ее, пожалуй, было еще более аристократичным и элегантным. Воспитателями были генералы и придворные кавалеры; ученики же принадлежали к самым знатным фамилиям в государстве. Кроме научных предметов, там преподавалась верховая езда, фехтование и танцы, и на это было обращено большое внимание.

Однако в военной школе Наполеон пробыл недолго. Он слушал там, между прочим, знаменитого математика Монжа. Но его больше всего интересовала прикладная сторона науки, и за это немец, преподаватель философии, обозвал его однажды скотиной. Учителя считали его способным и прилежным, но он досаждал им своим характером, резким и вспыльчивым, и они аттестовали его как «очень самолюбивого и чрезвычайно честолюбивого юношу, который может пойти далеко, если обстоятельства будут благоприятствать». Кроме того, Наполеон, по-видимому, нисколько не скрывал своих корсиканских чувств, и это порою возмущало его учителей и многих из его товарищей, которые рисовали на него карикатуры, изображая, как он спешит на помощь корсиканскому герою Паоли. Духовник школы даже счел нужным заговорить с ним об этом на исповеди и напомнить ему о его обязанностях по отношению к королю. Наполеон вспыхнул и резко ответил: «Я сюда пришел не затем, чтобы разговаривать с вами о Корсике. Это не входит в обязанности священника читать мне по этому поводу наставления!..» С этими словами он вышел из исповедальни.

Учитель французского языка Домерон сравнивал стиль его сочинений с *гранитом, разогретым в вулкане.* И, пожалуй, это наиболее верная характеристика бурнопламенного стиля его

юношеских сочинений.

Осенью 1785 г. Наполеон был уже выпущен в офицеры. Очень возможно, что причиной такого ускоренного выпуска было то, что начальство школы хотело от него отделаться поскорее. Во всяком случае, шестнадцатилетний Наполеон получил чин артиллерийского подпоручика и был отправлен в провинцию, в Валанс, где находилась его бригада. Именно она-то и была настоящей военной школой для него. В Валансе Наполеон постоянно чувствовал свое одиночество, с запоем читал исторические и политические книги, которые были тогда в ходу. Из них на него особенно сильное впечатление произвели «Общественный договор» Руссо и «Философская история» Рейналя. Все это время он, по-видимому, с большим трудом переносил двойственность своего положения, как корсиканского патриота, вынужденного служить в армии угнетателей своей родины. С внешней стороны, впрочем, он не навлекал на себя никаких порицаний начальства, в гарнизоне был хорошим товарищем и хорошим служакой и горячо стоял за честь корпорации. Но внутренняя его жизнь была обособлена, и чувство одиночества и глубокой меланхолии всецело владело его душой. Притом же его не могла удовлетворить гарнизонная служба, не дававшая выхода и простора его силам и энергии. К этому у него примешивалась еще и ненависть к стране, где он был чем-то вроде заложника. О его мучительном душевном состоянии можно судить по строкам, написанным им в дневнике по случаю шестидесятилетней годовщины дня рождения Паоли, весной 1786 года. Он говорит о праве бороться с тиранией и подкрепляет свои слова цитатами из Руссо. «Корсиканцы, по праву справедливости, свергли иго генуэзцев и могут с таким же правом сделать это с французами…» Далее, он говорит: «Всегда один среди людей, я возвращаюсь назад к своим думам, к своим мечтам и предаюсь меланхолии. Куда обращаются мои мысли? К смерти! А между тем я, на заре жизни, могу рассчитывать на долгие годы… Шесть или семь лет не был я в своем отечестве. Как я буду счастлив, когда увижу снова своих соотечественников, своих родных. Что же в таком случае заставляет меня думать о смерти?..» На этот вопрос, который он задает себе, он отвечает, что хочет умереть, потому что свобода, исчезла из мира, потому что люди стали трусливы, пошлы и раболепны! «Что я увижу на своей родине?» говорит он. «Мои соотечественники закованы в цепи, целуют руки своих притеснителей!.. Это уже не прежние доблестные корсиканцы, гордые и свободные, враги тиранов, роскоши и презренных царедворцев! Французы, вместе со свободой, похитили и добрые нравы… Что же мне делать в таком мире,

который вынуждает меня хвалить людей, которых я должен ненавидеть?.. Если бы я мог, уничтожив одну человеческую жизнь, освободить свою родину, то я тотчас же всадил бы в грудь тирана свой мстительный меч!..» Он заканчивает эту страстную тираду следующими мрачными строками: «жизнь мне стала в тягость, потому что я не могу испытывать больше никакой радости, никакого удовольствия, а все мне доставляет страдание. Она мне в тягость, потому что люди, среди которых я живу и буду жить, по своим чувствам и мыслям, так далеки от меня, как свет солнца от сияния луны. У меня нет ничего, что скрашивало бы мне жизнь, поэтому мне все противно…» — Позднее Наполеон определяет это душевное состояние следующими словами: «Кто ведет такое ужасное, монотонное существование, когда и в настоящем и в будущем один день похож на другой, кто постоянно должен спрашивать себя: зачем я родился? — тот в самом деле несчастнейший из людей!..»

Как это ни странно, но этот будущий завоеватель раньше всего мечтал осуществить свои честолюбивые стремления на литературном поприще. Он задумал написать историю Корсики и довел ее до последнего восстания с Паоли во главе. Историк Рейналь, которому он послал свою рукопись для просмотра, дал о ней лестный отзыв и советовал продолжать работу.

Между тем во Франции назревала революция. Наполеон, в голове которого бродили тогда идеи Руссо и Рейналя, чувствовал себя чужим среди офицеров, принадлежащих к дворянскому кругу, и всегда искал сближения со «штатскими» — адвокатами, чиновниками, буржуа, проникнутыми тоже идеалами Руссо. Поэтому, когда вспыхнула революция, то Наполеон, которому было тогда двадцать лет, тотчас же сделался ее сторонником. Для характеристики его взглядов в то время может служить план рассуждений о королевской власти, написанный им в дневнике в 1788 году. Он говорит: «в начале должны быть приведены общие соображения о происхождении того значения, какое для ума людей получало имя короля, и должно быть указано, что военное правление этому благоприятствует. Затем должны быть приведены подробности о той узурпированной власти, которой пользуются короли в двенадцати европейских государствах».

В заключение он высказывает мысль, что вообще существует очень мало королей, которые не заслуживали бы быть низложенными!

Когда осенью 1789 года Наполеон опять поехал в отпуск на родину, то старый порядок во Франции уже лежал в развалинах. В Корсике все еще было по-прежнему, хотя уже начиналось движение. Представителями корсиканского духовенства и

дворянства в генеральных штатах были два приверженца старой монархии: граф Буттафуоко и аббат Перрети делла Рока. Третье же сословие было представлено адвокатом Салисетти и графом Колонна да Чезарио Рокка, племянником Паоли. Однако обе партии, как монархическая, так и революционная, стремились найти поддержку у Франции; только революционная партия мечтала найти эту поддержку у новой Франции, так как старая была врагом корсиканских патриотов.

Можно себе представить, с каким жаром Наполеон присоединился к движению, когда оно возникло в Корсике. Молодой честолюбец, конечно, мечтал воспользоваться переворотом, чтобы самому играть роль в истории острова. Он убедил своих сограждан нацепить трех цветную кокарду, открыть политический клуб и обратиться с воззванием к народу, чтобы образовать национальную гвардию. Конечно, дело не обошлось без бурных и даже кровавых столкновений между народом и войском. Однако корсиканские революционеры, по-видимому, не думали об отложении от Франции. Адресы и петиции корсиканских патриотов, обращенные в Национальное собрание в Париже, были не только подписаны Наполеоном, но главным образом им же составлены, и они нашли там полное сочувствие, выразившееся в резолюции считать остров частью французского государства и дать ему такую же конституцию, как во Франции. Решено было также вернуть изгнанников, и во главе их Паоли, в свое отечество.

«Из недр нации, над которой властвовали наши тираны, — писал Наполеон тогда, — вырвалась электрическая искра. Эта просвещенная, могущественная и благородная нация, вспомнила о своих правах и своей силе. Она сделалась свободной и захотела, чтобы и мы сделались свободными. Она раскрыла нам свои объятия, и с этой минуты мы имеем одни и те же интересы, одни и те же заботы. Море больше не разделяет нас»…

Наполеон опять получил отпуск в 1790 г. на полгода, но он сам продлил его больше чем на год, т. е. до января 1791 г. В этот промежуток времени он увиделся с Паоли, который возвращался на свою родину, как триумфатор. В депутации, которую корсиканцы отправили во Францию встречать своего национального героя, участвовал также старший брат Наполеона, Иосиф. По рассказам этого последнего, между Наполеоном и Паоли, перед которым он некогда так преклонялся, сразу обнаружились разногласия. Между прочим, Наполеон обидел Паоли своим замечанием. Когда Паоли описывал ему последнее сражение и расположение своих отрядов, то Наполеон сухо сказал: «Такая диспозиция войска не могла иметь другого

результата, кроме поражения».

Однако местные власти в Аяччио не очень одобряли деятельность Наполеона. В Аяччио тогда происходила горячая борьба партий, и Наполеона подозревали в том, что он хочет, низвергнув правление консервативной партии, овладеть крепостью и прогнать французов. Поэтому-то гарнизон был усилен, а клуб и национальная гвардия, организованная Наполеоном, были закрыты. Это заставило его тотчас же отправить в Национальное собрание протест, и в нем он изложил свои тогдашние политические взгляды. Протест начинается следующими словами: «Когда власти похищают права, когда депутаты, не облеченные полномочиями, называют себя народом, чтобы говорить против его желания, то частные лица имеют право соединяться, протестовать и таким образом сопротивляться притеснению»… В другом месте он говорит: «Когда царствует тирания, когда власти не пользуются доверием, когда они нас унизили и мы имеем право их ненавидеть, можно ли говорить, что все обстоит благополучно? Можно ли требовать от нас, чтобы мы и далее сносили это иго?..» Наполеон также написал страстный памфлет, под заглавием: «Письмо г. Буонапарте к г. Маттео Буттафуоко, корсиканскому депутату в Национальном Собрании», и во всех этих протестах и литературных выступлениях он, по-прежнему, является ярым корсиканским патриотом. Но нет никакого сомнения, что к его патриотизму теперь уже примешивалось, в значительной степени, честолюбие. Он хотел, так или иначе, играть роль в своем отечестве и рассчитывал добиться этого… с помощью Франции! Однако, прежде чем ему удалось достигнуть какого-нибудь прочного успеха в Корсике, ему пришлось вернуться в свой гарнизон, так как он уже и так слишком продлил свой отпуск. Однако это ему не повредило. Французская армия распадалась, и поэтому там рады были каждому офицеру, который возвращался под знамена. Наполеон получил даже повышение.

Он был в Валансе, когда пришло известие о попытке бегства Людовика XVI и его семьи, — попытке, сразу, одним ударом, разрушавшей тот тонкий слой, который все еще прикрывал зияющую пропасть между короной и новой Францией, увеличивающуюся с каждым днем. Наполеон мог наблюдать успехи революции. Раскол увеличивался и среди войска, где солдаты были патриотами, а офицеры аристократами. «Женщины повсюду были роялистками, — говорит Наполеон в своих записках, — и это неудивительно! Ведь свобода гораздо более прекрасная женщина, чем они, и затмевает их всех»…

В полку, где служил Наполеон, раскол был очень силен.

Половина его товарищей, и даже среди них его лучшие друзья, покинули знамя, осквернённое в их глазах революцией. Но тем решительнее сам Наполеон окунулся в революционный поток. В Оксонне и Валансе, он так же, как и в Аяччио, посещал политические клубы и патриотические празднества. Он даже подписывал революционные адресы, как напр. петицию, требовавшую осуждения короля, и часто выступал оратором на политических собраниях. Он ежедневно собирал своих унтер-офицеров и читал им парижские газеты. Одному из своих друзей он писал тогда: «Успокоившись на счет участи моей страны и славы моего друга (он подразумевал Паоли), я озабочен теперь только судьбой нашего общего отечества»…

Таково было настроение Наполеона в начале французской революции. Но тем не менее, когда ему пришлось присутствовать при сцене, разыгравшейся в июне 1792 г., когда народная толпа ворвалась в королевский дворец и заставляла Людовика XVI подчиниться требованиям патриотов, то он сказал своему товарищу Бурьену, что в эту «сволочь» следовало бы просто выстрелить из пушки. Сотни четыре или пять положили бы на месте, а остальные обратились бы в бегство! До какой степени Наполеон интересовался тогда великими и жгучими вопросами современности, доказывает то, с каким жаром зачитывался он историко-политическими трактатами. Интересно то, что он тогда старательно отмечал даты и факты из историй французского дворянства и мемуаров Дюкло, которые иллюстрировали изменнические поступки и жестокость старинной монархии, испорченность дворянства и духовенства, деспотизм церкви и короны. Он не забывал также и своих прежних литературных планов. Он хотел снова взяться за историю Корсики и даже обратился к Паоли с просьбой о материалах, но Паоли отговорил его, находя, что еще рано писать историю страны, и советовал собрать раньше только одни анекдоты и факты, которые могли бы подтвердить геройство корсиканского народа.

Впрочем, в это время, Наполеон уже заинтересовался другим планом. Вероятно по совету Рейналя, он написал сочинение «Речи о счастьи», на соискание премии, объявленной Лионской академией. Это сочинение, тяжело написанное, страдающее повторениями и отсутствием последовательности, все же дает возможность заглянуть в душу Наполеона, так как заключает в себе — вольные или невольные — признания. И на этих признаниях в значительной степени отражается влияние Руссо, но только у Руссо отсутствует тот героический тон, который звучит в каждой фразе Наполеона. Кроме того, Наполеон заранее исключает из своей политической системы социалистический

элемент учения Руссо, при чем во всех его собственных рассуждениях о государстве проглядывают уже воззрения повелителя. Но любопытнее всего, что он с особенной страстностью говорит о демоне честолюбия, во власти которого находились великие люди истории. Может быть, он предчувствовал свою судьбу, когда писал эти строки, потому что он как бы старается оправдать себя в собственных глазах, говоря, что *честолюбец может принести добро.* «Разве это не может служить утешением для разума, — восклицает он, — если можешь сказать себе: я обеспечил счастье сотен семейств. Я причинял себе беспокойство, но государство извлекало из этого выгоду! Мои сограждане живут спокойно, потому что я беспокоюсь, они счастливы моими работами, веселы моими печалями… Но тот, кто желает выдвинуться вперед и содействовать счастью государства, тот должен быть мужественным, сильным и гениальным, должен уметь управлять своим честолюбием, вместо того, чтобы управляться им, и тогда он сможет соединить рассудок и чувство и будет обладать нравственной свободой»…

Таковы были идеалы, которые рисовал себе двадцатидвухлетний Наполеон; однако и тогда уже во многих строках, написанных им, проглядывало презрение к людям, и можно было предвидеть, что недалек момент, когда тонкий слой идеалов, прикрывающий это презрение, исчезнет, и презрение к людям превратится в презрение к идеям.

ГЛАВА II

Крушение юношеских идеалов; честолюбие и эгоизм Наполеона. — Конец корсиканского патриотизма. — Политический памфлет. — Первый шаг к славе. — 13-е вандемьера.

Наполеону жилось в это время нелегко на то скудное жалованье, которое он получал в Валансе. Он продолжал однако свои литературные опыты и принимал деятельное участие в политических клубах, находившихся в сношениях с парижскими якобинцами. И в Аяччио, и в Валансе он примыкал к радикальной партии. Между прочим, он написал брошюру в 1790 г., вместе со своим дядей, аббатом Феш «о конституционной присяге священников». Эта брошюра очень возмутила благочестивых корсиканцев, и даже один раз, во время крестного хода, его чуть было не убили возмутившиеся крестьяне.

Однако дальнейшее течение революции и окончательное крушение монархии вызвали у него совсем иные чувства, чем можно было бы ожидать, судя по его прежним взглядам. Мы говорили уже о том замечании, которое вырвалось у него, когда в Тюйльерийский дворец ворвался народ. Десятого августа того же года он присутствовал при крушении монархии и говорил потом: «Я чувствовал, что если бы меня позвали, то я бы стал защищать короля. Я был против тех, которые хотели основать республику при помощи народа, и притом я негодовал, видя, как люди в обыкновенном платье нападали на людей в мундирах»… Наполеон был вызван тогда в Париж для объяснения своего поведения в Корсике, но после восстания 10-го августа и низложения короля в Париже появилось новое правительство, которое отнеслось к нему более благосклонно и даже произвело его в капралы.

Около этого времени он писал своему брату Люсьену: «Когда присмотришься ближе, то видишь, что народы вряд ли заслуживают тех стараний, которые делаются для того, чтобы снискать их расположение. Ты знаешь историю в Аяччио? История в Париже такая же, только, пожалуй, люди здесь еще ничтожнее, еще злее, еще более склонны к клевете и брюзжанью. Нужно видеть вещи вблизи, чтобы заметить, что французы — состарившийся народ, без страстных желаний и мускулов»… В этих строках уже проглядывает презрительное отношение к людям, которое прежде скрывалось у него за юношескими идеалами свободы и пылким корсиканским патриотизмом. Он

холодно смотрел в глаза действительности, равнодушно взирая на революционную бурю, бушевавшую во Франции, но зато, чем далее отступали его прежние юношеские идеалы, тем сильнее выдвигались вперед его честолюбие и эгоизм. С хладнокровием спокойного наблюдателя, он пишет Люсьену, революционный пыл которого ему хотелось бы охладить: «Каждый преследует только свои интересы и хочет выдвинуться при помощи всех средств террора и клеветы. Интриги носят еще более низменный характер, чем прежде. Все это разрушительно действует на честолюбие. Надо сожалеть о тех, которые имеют несчастие играть какую-нибудь роль, хотя бы не желая этого. Жить в покое, отдаваться семье и своим наклонностям, — это, мой друг, то, к чему надо стремиться, когда имеешь четыре — пять тысяч ливров ренты и перешел уже за 25-летний возраст, т. е. когда фантазия и мечты уже улеглись и не мучат больше человека».

Его прежние и великие стремления бороться за свое отечество, за свои возвышенные идеалы все более затушевываются. В то время, как вокруг него государства и общества содрогаются в ужасной агонии, он спокойно занимается делами и… астрономией! «Я очень много занимаюсь астрономией, — пишет он брату. — Это прекрасное развлечение и гордая наука. С моими математическими познаниями я скоро смогу овладеть этой наукой. Одним великим приобретением у меня будет больше»….

Но энергичная натура Наполеона и его гигантское честолюбие не могли долго бездействовать. В своих записках, относящихся к лету 1791 года, он цитирует строфу из стихотворений английского поэта Попа: «Чем сильнее наш ум, тем нужнее, чтоб он действовал. Покой — для него смерть, а упражнение — жизнь!» Мир его прежних идеалов, по-видимому, уже разлетелся тогда вдребезги, но тем сильнее росло у него желание проявить себя, завоевать счастье, и, конечно, его воля и гений должны были развернуться во всю ширь, как только поле очистилось, и он освободился от всяких пут, которые связывали его, под видом долга к государству и его прежней идеологии.

Впрочем, то, что творилось во Франции, могло только служить дальнейшим толчком к эволюции Наполеона, примкнувшего сначала к революции под влиянием ненависти к привилегиям и той идеологии, от которой он совершенно отрекся впоследствии. Все его дальнейшее поведение главным образом уже вращалось в сфере честолюбия и жажды деятельности, власти и славы. Идиллические представления о счастье народов, мире и свободе, с которыми революционеры начали свое великое дело, при общем восторге своих современников, быстро уступали

натиску взбаломученного моря человеческих страстей. Новые, неожиданные силы, создающие и разрушающие, поднялись со дна разверзнувшейся бездны. И вот, даже верующие и мечтатели, среди новых властителей Франции, вооружились жестокостью и хитростью и были охвачены такою жаждой власти, которая не знала ни границ, ни жалости. Страсти разнуздались, и на поверхность выплывали низменные побуждения и жажда воспользоваться случаем, чтобы из этого всеобщего разгрома и борьбы страстей, извлечь для себя выгоды, почести и власть. Наполеон, у которого в самом начале, когда он еще находился под властью своих идеалов, такая картина должна была вызвать отвращение, смотрел на нее теперь с хладнокровием без пристрастного наблюдателя. Бессилие, в котором находилась тогда Франция, конечно, должно было внушить ему мысль, что Корсика может достигнуть независимости. Однако то, что прежде составляло предмет его самых великих надежд и желаний, теперь как-будто затушевалось. По крайней мере мысль об этом, которую он вскользь высказывает в письме к брату, не вызывает у него, как прежде, бурного стремления поскорее воспользоваться обстоятельствами.

В 1792 году монархическая Европа объявила войну революционной Франции. Сначала Наполеон мало интересовался войной. Он опять поехал в Аяччио и опять стал во главе тамошней милиции. В Корсике он прожил тогда около десяти месяцев и окончательно разошелся со своим прежним героем Паоли. Паоли не сочувствовал новой республиканской власти во Франции и симпатизировал Англии, с которой у Франции началась война. Наполеон не держал сторону конвента и даже послал своего брата Люсьена в Париж, чтобы изложить там обвинения против Паоли. Но громадное большинство корсиканцев было все же на стороне своего национального героя, и народное собрание в Аяччио объявило Наполеона изменником отечеству. Его мать едва спаслась бегством, а ее дом был разграблен и сожжен. Наполеон подозревал Паоли в желании искать поддержку у англичан и поэтому сделал попытку завладеть Аяччио, рассчитывая на помощь своей национальной милиции и французских солдат, бывших под его командой. «Без этой гавани остров не будет иметь никакого значения для враждебной державы», — говорит Наполеон, подразумевая под «враждебной державой — Англию». А про своего прежнего героя и его партию, он писал следующее: «Партия независимых, безусловно подчиняющаяся Паоли, невелика, но сильна благодаря своей связи с аристократами. Своей тактикой, то угрожающей, то ласковой, разрешающей грабить и поджигать,

генералу удается увлекать за собой корсиканцев. Ведь надо принадлежать к какой-нибудь партии, и предпочтительно выбирается та, которая торжествует, грабит, разоряет и сжигает! В сомнительных случаях, всегда лучше *самому пожирать, нежели быть сожранным!»*

В таком настроении и с таким суждением о своих соотечественниках, Наполеон покинул Корсику. Период его корсиканского патриотизма кончился.

Устроив свою мать и семью вблизи Тулона, Наполеон вернулся в Париж. Там насту пило время террора. Старый порядок был уже разрушен, а новый приходилось созидать среди страшной борьбы. Другого пути не было. Чем сильнее были враги, чем ужаснее внутренняя смута, тем решительнее вынуждена была революция преследовать свои цели и тем теснее должна была связать их с национальной идеей. Сила и единение, победа и величие Франции — вот что лежало на пути нации, и чего она должна была достигнуть, пройдя чрез весь сумбур и ужас революционного времени.

И для Наполеона не оставалось другого выбора. Он должен был стать на сторону якобинцев, которых еще год тому назад он называл безумцами. Но ведь только они могли помочь ему отмстить за себя, вернуть свое имущество в Корсике или, по крайней мере, возместить потерянное. Кроме того, Наполеон нуждался теперь в убежище, после того как Корсика отвернулась от него, а Франция могла служить ему не только убежищем, но и открывала обширное поле для его честолюбия и энергии.

Благодаря всеобщему расстройству и без порядку, который господствовал везде, Наполеон мог рассчитывать на то, что новое французское правительство благосклонно отнесется к нему, так как помощь каждого лишнего человека в армии могла быть ему полезна. Это было время восстаний против конвента в разных местах Франции, и Наполеону тот час же пришлось участвовать в подавлении восстания в Провансе. Гражданская война, происходившая там, послужила для Наполеона поводом написать политический памфлет, под заглавием «Ужин в Бокере», представляющий защиту политики конвента и победившей в нем партии якобинцев. Как и прежние юношеские писания Наполеона, этот памфлет написан в форме диалогов. Два купца из Марселя, один из Рима, один фабрикант из Монпелье и один офицер сошлись за сто лом в гостинице и беседуют о злобе дня. Возможно, конечно, что в основу этого памфлета положен действительный случай. Но замечательны, главным образом, аргументы, которые выставляет офицер (т. е. сам Наполеон), чтобы доказать марсельцам, как неправильно они поступают,

оказывая сопротивление конвенту. Несогласия, неопытность в военном деле, недостаток вооружения, в особенности артиллерии, и отсутствие энергии, — вот причины, которые, по мнению офицера, должны были бы заставить их подчиниться и положить оружие. Свои частные интересы они должны принести в жертву общественному благу. Истинный, верховный властитель нации находится там, где лежит ее центр, т. е. в недрах конвента!.. Такому содержанию памфлета соответствует и форма, и он уже носит на себе отпечаток будущего наполеоновского стиля и властного характера Цезаря.

Случай помог Наполеону вступить на тот путь, который привел его на высоту. Англичане завладели Тулоном, этой единственной военной гаванью на южном берегу Франции. Французская армия, под начальством Карто, осадила город, но, не имея в достаточном количестве орудий и снарядов, не могла довести дело до благополучного окончания. К тому же начальник артиллерии был тяжело ранен, и некому было заменить его. Как раз в это время подоспел Наполеон, возвращавшийся из Прованса в лагерь, находившийся в Ницце. Он привез с собой все, чего не хватало осаждавшим, орудия и снаряды и тотчас же был назначен заместителем раненого начальника артиллерии. Таким образом он получил возможность отличиться и сразу обратить на себя взоры Европы. С первых же дней он обнаружил те выдающиеся качества, которые заставляют видеть в нем прирожденного вождя на поле брани. Неутомимость, изумительная предусмотрительность, пылкая отвага и ничем непоколебимое хладнокровие Наполеона во время сражения сразу выдвинули его в первые ряды. Когда, наконец, Тулон был взят, то комиссары конвента тотчас же произвели 24-летнего Наполеона в бригадные генералы.

Когда впоследствии, на острове св. Елены, Наполеон описывал свои деяния, то он на чал свое повествование с Тулона. И это вполне понятно, потому что именно в Тулоне взошла его звезда, поднявшаяся так быстро и так изумительно высоко. Все, что было до Тулона, было уже погребено, а впереди для него открывалось широкое будущее, полное блеска и надежд, к которому устремлялась его честолюбивая, жаждущая славы душа.

Все отзывы о нем военноначальников после Тулона полны восхвалений. В армии все восхищались молодым героем. Дю-Телль писал военному министру: «У меня не хватает слов, чтобы изобразить тебе заслуги Буонапарте!»… А Дюгомье говорил о нем: «Если этому офицеру не будет выказана благодарность, то он сам себя выдвинет вперед!»…

Молодой генерал сблизился еще более с якобинцами после

этого, в особенности с Робеспьером младшим, который был конвентским комиссаром. Тогда уже Наполеон твердо держался принципа — всегда быть на стороне силы, и, конечно, брат великого трибуна, достигшего в то время апогея власти, воплощал в себе эту силу. Кроме того, старший Робеспьер восхищал Наполеона своей непреклонной энергией, не отступавшей ни перед какими средствами для достижения и сохранения власти.

Младший Робеспьер, как это видно из его донесений брату, вначале доверял больше талантам Наполеона, нежели его образу мыслей. Он видел гарантию лишь в том, что Наполеон был изгнанником из своей родины и врагом Паоли. Однако Наполеон все же сумел войти к нему в доверие, за что, однако, он вскоре чуть-чуть не поплатился. Наполеон находился в то время в армии, действовавшей против австро-сардинского войска. Вместе с Робеспьером младшим он разработал план итальянской кампании, вторжения в Пьемонт и завоевания Италии. Окрыленный блестящими надеждами на военный успех и мечтая уже о роли главнокомандующего, Наполеон занялся подготовлением своего грандиозного плана, ездил для этого в Геную, и когда, казалось, все уже было готово, вдруг произошло событие, нанесшее удар всем его надеждам и даже подвергшее опасности его самого. Головы обоих Робеспьеров пали под ножом гильотины!

Девятое термидора отразилось всего сильнее на юге Франции, где вообще страсти пылали сильнее. Но друзья казненных не могли помышлять о сопротивлении; они дрожали за собственную жизнь и спешили спасать ее, кто богатством, кто посредством выражения покорности и отречения от низвергнутого диктатора. К числу последних принадлежал и Наполеон, на которого пало подозрение, что он поддерживал Робеспьера. В своем письме к французскому поверенному в Генуе Наполеон старается оправдаться. Он пишет между прочим: «Я немного огорчен катастрофой с Робеспьером младшим, которого я любил и считал невинным. Но будь он даже мой родной отец, я бы сам пронзил его кинжалом, если бы он стал стремиться к тирании».

Однако это унижение, которому подверг себя Наполеон, не помогло ему. Он был арестован, отставлен от должности и чина и заключен в крепость, откуда он написал письмо конвентским комиссарам с уверениями в своей преданности революции, республике и отечеству. В его бумагах, впрочем, не найдено было ничего предосудительного, и так как среди термидорцев были люди, расположенные к нему, то его выпустили на свободу и даже

вскоре вернули ему чин генерала.

Почти непосредственно после этого Наполеон получил предписание отправиться в Вандею, в западную армию, где он должен был принять участие в подавлении восстания. Но он задержался в Париже, выжидая результатов якобинского заговора против конвента. Якобинское предприятие кончилось неудачей, и тогда-то Наполеон, убедившись в окончательном провале якобинцев, отошел от крайних партий и приблизился к умеренным, ставшим тогда у власти. В числе их находились Фрерон и Баррас, бывшие конвентскими комиссарами в то время, когда Наполеон одержал победу в Тулоне. Они были очевидцами его подвигов, и поэтому Наполеон рассчитывал на их поддержку. Тем не менее комитет общественного спасения, в наказание за ослушание, вы черкнул его из списка артиллерийских генералов и назначил его в пехоту, опять-таки в Вандею. Наполеон сказался больным. Тогда он был уволен и в течение нескольких месяцев слонялся в Париже без дела и опять сильно бедствовал, жил в меблированной комнатке, носил поношенный мундир и занимал гроши у приятелей. Он даже пробовал открыть книжную торговлю. Но, разумеется, такие неудачи не могли сломить энергии человека, про которого его приятели говорили, что он кончить или престолом или эшафотом. Он писал о себе так: «Я испытываю такое душевное состояние, как-будто я нахожусь накануне сражения в глубокой уверенности, что нелепо себя беспокоить мыслями о будущем тогда, когда смерть сторожит нас на каждом шагу и может все сразу прикончить. Все побуждает меня с презрением относиться к смерти и к судьбе. Если такое душевное со стояние продлится, то я могу дойти до того, что даже не сойду с дороги, если навстречу мне будет мчаться экипаж. Мой рассудок удивляется этому, но зрелище, которое представляет страна в данную минуту, и привычка к игре случая привели меня в такое состояние»…

В этих словах Наполеона отразилось не только его душевное состояние, но и состояние большинства людей во Франции, задававших тогда тон и державших власть в своих руках. Революция еще не кончилась, и то, что принесет «завтра», никому не было известно и даже предвидеть было трудно. Но ужасающий гнет террора и отчаянной борьбы все же ослабел. Те, которые удержали в конце концов власть в своих руках, могли теперь надеяться извлечь из нее пользу для себя и своих друзей, не дрожа ежеминутно за свою жизнь. Но это были, большей частью, т. е., которые играли второстепенную роль в битвах революции, и либо из благоразумия и осторожности, либо из трусости, не принимали в них непосредственного участия. Старые знакомцы

Наполеона, очутившиеся теперь у власти, Фрерон и Баррас, принадлежали к числу людей, умевших пользоваться обстоятельствами и извлекать из своего положения наибольшие выгоды для себя, своих друзей и своих приятельниц, которые сделались царицами салонов, куда устремлялась так называемая золотая молодежь — новая буржуазия, старавшаяся в вихре удовольствий и наслаждений забыть о терроре, как о дурном сне. Наполеон вначале держался вдали от этого круга, не имея достаточно связей с ним, но в салон Барраса он все же получил доступ и скоро тесно сблизился с ним. Впоследствии, на острове св. Елены, он так объяснял свое сближение с ним: «Робеспьер умер, а Баррас играл роль. Мне же нужно было примкнуть к кому-нибудь и к какому-нибудь делу».

Наполеон носился тогда со своим планом наступательной войны против Италии, который уже давно был у него готов. В комитете общественного спасения были даже сочувствующие этому, но тем не менее Наполеона снова постигла неудача. Его противники, опасавшиеся его честолюбия, очевидно желали вычеркнуть его из списка генералов действующей армии, и поэтому на него была возложена военная миссия в Константинополе, и хотя в приказе, чтобы позолотить пилюлю, упоминалось о его заслугах в Тулоне и в Италии, тем не менее это был плохо прикрытый предлог удалить его из Парижа.

Однако Наполеон не унывал и твердо верил в свою звезду. Действительно, прежде чем он успел уехать из Парижа, произошли события, давшие ему возможность снова выдвинуться на первый план. В Париже началось реакционное движение против конвента, который, сознавая свое критическое положение, назначил особый комитет для поддержания порядка. Наполеон замечал брожение умов в столице, но смотрел на это с полным равнодушием. Он вообще презрительно относился ко всякой народной агитации. Впрочем, и силы реакционеров были невелики, но они рассчитывали на равнодушие народных масс и на непрочность и раздоры большинства, объединившего остатки революционных партий, когда-то сражавшихся между собой на жизнь и на смерть. К тому же в их руках были 30.000 национальной гвардии, тогда как конвент имел в своем распоряжении не более 5.000 человек. Вполне естественно, что когда получено было 12-го вандемьера (3-е октября) известие о готовящемся наступлении, то конвент всполошился. Баррас, бывший членом комитета для поддержания общественного порядка и взявший на себя военные распоряжения, призвал на помощь Наполеона, который снова, таким образом, выдвинулся. Исполнительная власть всецело находилась в руках Барраса, но в

сущности всем распоряжался Наполеон, а Баррас только все скреплял своей подписью.

Новая битва за власть должна была произойти на том же месте, где она происходила 10 августа 1792 года, т. е. в Тюльерийском дворце, где заседал конвент 13-го вандемьера. Но Наполеон перевез, в ночь на 13-го вандемьера пушки ко дворцу, и когда национальная гвардия двинулась на конвент, она встречена была перекрестным артиллерийским огнем. Бой продолжался часа четыре, причем погибло около двухсот человек, но конвент был спасен, а вместе с ним и республика, на которую он опирался. Спасителем же был Наполеон, корсиканский эмигрант, сначала ненавидевший короля и народ Франции, а затем начавший презирать их и теперь спасший республику лишь для того, чтобы потом ее повалить и на ее месте воздвигнуть свой собственный императорский трон!

ГЛАВА III

Перемена в жизни Наполеона. — Брачные проекты. — Жозефина Богарне. — Итальянский поход. — Начало будущего властительства. — Двор в Монтебелло.

«Счастье мне улыбается!» — писал на другой день после 13-го вандемьера Наполеон своему брату Иосифу. И, действительно, на молодого генерала повалились, словно из рога изобилия, дары фортуны. По предложению Барраса, он сначала был назначен помощником главнокомандующего внутренней армией, а затем через несколько дней был произведен в дивизионные генералы, и когда Баррас вступил в директорию, через четыре дня после этого, то Наполеон сделался главнокомандующим в Париже. Он был теперь правой рукой директории и совета и служил для них гарантией сохранения власти.

Как часто в былые времена, когда он нуждался и слонялся без дела по парижским улицам, проживая в плохеньких меблированных комнатах, он мечтал о том, чтобы иметь собственный дом, экипаж и лошадь. Теперь все это было у него: казенная квартира, экипажи, слуги и деньги. В его распоряжении находился целый штаб офицеров и служащих. Все двери были для него открыты, так как он пользовался влиянием. Всегда заботливо относившийся к своей семье и помогавший матери даже из своих скудных средств, он, конечно, тотчас же постарался получше пристроить своих братьев: Иосиф был сделан консулом, Луи произведен в офицеры, и он сделал его своим адъютантом, а Люсьен назначен военным комиссаром в северную армию. Младшего брата, Жерома, он вызвал в Париж и поместил в школу. Разумеется, он не забыл ни мать, ни сестер, которые получили изрядные суммы, так как деньги лились к нему со всех сторон. Он вспомнил даже об дальних родственниках и о своих прежних друзьях, и все извлекли выгоды из перемены его положения и его внезапного повышения. Ему видимо доставляло удовольствие расточать на них свои благодеяния, но он не упускал также из вида, что таким путем он приобретает среди них преданных союзников.

С Баррасом он оставался по-прежнему в тесных, дружеских отношениях, и ему он обязан новым поворотом в своей жизни. В салоне Барраса он познакомился с красивой молодой креолкой, Жозефиной Богарне, вдовой революционного генерала, сложившего голову на эшафоте за год перед этим. Жозефина тоже была родом с острова, подпавшего под власть Франции. Она

родилась на Мартинике и в 1779 г. приехала в Европу. Она была старше Наполеона на шесть лет, но у нее уже было бурное прошлое. Вряд ли она любила своего первого мужа, да и он не был ей верен и скоро бросил ее одну в Париже, а сам уехал в Вест-Индию. Впрочем, она довольно быстро утешилась и окончательно разошлась с мужем, который был увлечен вихрем революции, приведшей его на эшафот. Он был одной из последних жертв террора, перед 9-м термидора. Революция свела вместе разошедшихся супругов, и они даже вместе попали в тюрьму. Но судьба ей благоприятствовала. Ее муж вышел из тюрьмы на гильотину, а она была освобождена после 9-го термидора, и Баррас взял ее под свое покровительство. По-видимому, она завлекла его, и, вероятно, он был для нее больше, чем простой покровитель, так как он устроил ей роскошный отель и исполнял все ее прихоти. Жозефина, не отличавшаяся строгостью поведения, была окружена золотой молодежью, кутилами и прожигателями жизни, добивавшимися ее благосклонности. В салоне ее всегда было весело и шумно, и легко забывались все заботы и кровавые дни террора. Немного поблекшая красавица, которой уже было тогда 32 года, она умела все же искусно скрывать следы времени на своей наружности. Она была грациозна, мила, кокетлива и умела прекрасно одеваться. Этого было достаточно, чтобы очаровать 26-летнего генерала, обладавшего притом пылким темпераментом корсиканца.

Впрочем, Наполеон давно уже носился в душе с брачными проектами. Долгое время он находился в цепях Дезире Клери, свояченицы его брата Иосифа, впоследствие сделавшейся супругой Бернадотта и положившей начало шведской королевской династии. Но Наполеон первый порвал с ней. После того он ухаживал за вдовой Пермона, но она отвергла его искательства. С Жозефиной же он сблизился, когда уже был главнокомандующим в Париже. В своих мемуарах он рассказывает, что она сама пришла к нему поблагодарить его за то, что он позволил ее сыну, Евгению Богарне, оставить у себя саблю отца, хотя и был отдан строгий приказ у всех отбирать оружие после 13-го вандемьера. Жозефина пригласила его к своему столу, и так произошло сближение. Наполеон не отрицает также, что Баррас сам указал ему на Жозефину, как на подходящую для него партию. Доводы, которые он приводил в пользу этого, были вполне правдоподобны: Жозефина, как маркиза Богарне, принадлежала одновременно к обществу старого и нового режима. Брак с ней мог создать Наполеону тот прочный фундамент в обществе, которого ему недоставало, и мог

заставить французов забыть его корсиканское происхождение. Его дом сделался бы тогда совершенно французским. Наполеон в особенности желал этого. Корсиканские чувства настолько испарились у него, что из всех оскорбительных прозвищ, которые бросались подчас ему в лицо, самым обидным было для него название: *корсиканец.* Притом же связь с Жозефиной Богарне была лучшим средством для него занять подобающее положение во французском обществе, где он все-таки был чужой и пришлец.

Все мемуары, относящиеся к тому времени, подтверждают, что в обществе его несколько чуждались. Наполеон чрезвычайно мало тогда заботился о своей наружности. Жена его товарища и постоянного спутника Жюно рассказывает, что он являлся в общество без перчаток, в плохо вычищенных и дурно сшитых сапогах. С длинными, небрежно причесанными волосами, ниспадавшими прямыми космами на плечи, с бледным, изможденным, желтым лицом и горящими глазами, в которых светился ум и твердая воля, Наполеон производил странное, почти жуткое впечатление. «Его взор смущает всех, — писала о нем Жозефина, — а самомнение его велико до смешного, но я считаю возможным все, чего ни пожелает этот странный человек!» Впрочем, Наполеон умел держать себя в обществе; не даром же он воспитывался в аристократической военной школе! Однако, он все же чувствовал себя чужим в этом блестящем, хотя и смешанном обществе, возникшем на развалинах старого строя и торопившемся насладиться жизнью после ужасов террора. Наполеон стремился к тому, чтобы его в обществе признавали своим, и, главное, он хотел, чтобы его считали французом и забыли о его корсиканском происхождении; но не это одно заставило его добиваться руки прекрасной креолки. Жозефина Богарне произвела на него впечатление, и стоило ей немного поощрить его, чтобы в сердце его запылала страсть. Что репутация ее была далеко не безупречна, а красота уже отцветала, на это он внимания не обратил. В свете, где он теперь вращался, вообще господствовали легкие нравы. Жозефина же сумела очаровать его, ловко льстила ему и кроме того разжигала его страсть тем, что заставила долго ухаживать за собой, прежде чем согласилась на брак, да и то лишь тогда, когда он получил новое блестящее назначение. В Париже говорили, что Баррас служил посредником между ней и влюбленным в нее Наполеоном. Весьма вероятно, что Баррас желал одновременно и отделаться от своенравной и расточительной женщины, уже надоевшей ему своими капризами, и удалить из Парижа Наполеона, властность которого и честолюбие могли сделаться опасными. Во всяком случае, брак Наполеона с Жозефиной очень улыбался ему, и он

всячески поддерживал Наполеона в этом стремлении. Сделавшись, наконец, женихом Жозефины, Наполеон говорил ей, что у него много врагов, но это мало беспокоит его. Он не нуждается ни в чьей протекции. Скоро, наоборот, будут искать его покровительства! С ним его сабля, а с нею он пойдет далеко!..

Наполеон не оставлял своего плана вторжения в Пьемонт, чтобы нанести удар коалиции. Но когда он представил его директории, то из директории его передали на рассмотрение главнокомандующему армией Шереру. Шерер отослал его назад со своим заключением которое сводилось к тому, что только сумасшедший мог сочинить такой план. Пусть же он и исполняет его в таком случае! В виду категорического отказа Шерера, директория, уже и раньше склонявшаяся в пользу итальянского похода, должна была назначить другого главнокомандующего, и, конечно, выбор ее пал на Наполеона. Но возможно также, что Баррас воспользовался этим удобным случаем, чтобы удалить его из Парижа.

Как бы то ни было, но Наполеон получил новое назначение, которое быстро двинуло его дальше, по пути к апогею величия и славы. Второго марта 1796 г. было подписано его назначение, девятого состоялся его гражданский брак с Жозефиной, а двенадцатого он уже отправился в поход.

На обручальном кольце, которое Наполеон надел на палец Жозефине, он велел выгравировать надпись *Au destine* (судьбе), желая этим выразить, что он твердо верит в свою судьбу, хотя и бросает ей вызов. Теперь он уже бесповоротно связал свою судьбу с судьбой революционной Франции, которую должен был повести к победам и обеспечить ей честь, славу и могущество.

Казалось, однако, что Наполеон идет на верную гибель, так как условия были в высшей степени неблагоприятны. Армия у него была небольшая, всего 38.000 чел. и 30 пушек, и притом денег у него было мало, а солдаты плохо экипированы. А против него стояли четыре австрийских армии, целая цепь неприступных крепостей, на море же его подстерегал английский флот, под командой талантливого и смелого адмирала Нельсона.

Но так было только с виду. Австрийское войско было под командой старых генералов, бездарных и рутинеров, да и те не смели двинуться, не спросив предварительно согласия придворного совета в Вене. Мальчишку «с его стадом баранов!» — как называли в Вене Наполеона и его войско — австрийские генералы презирали глубоко и поэтому не предпринимали против него никаких предосторожностей.

Но они жестоко поплатились за это. Наполеон тщательно подготовился к походу. Он превосходно изучил театр войны еще

за два года перед тем, и у него были такие карты и планы, о которых неприятель не имел понятая. А его армия, которую австрийцы презрительно называли «стадом баранов», была настоящей народной армией. Солдаты шли, распевая марсельезу, освобождать своих братьев итальянцев от австрийских тиранов, и поэтому итальянские ребятишки и женщины повсюду забрасывали их цветами, а чернь устраивала им овации.

Наполеон объявил директории, отправляясь в поход, что он идет «победить или умереть!» Но он требовал, чтобы единство власти было сосредоточено в его руках, и директора должны были уступить, так как, хотя он и был прежде всего честолюбцем, но он действительно умел сразу и вполне правильно оценить положение вещей и выказал себя поистине гениальным полководцем. Он скатился, как лавина на разбросанные позиции неприятеля, не давая ему опомниться и нанося ему удары направо и налево, так что, пожалуй, в «баранов» превращались австрийцы, потому что они совершенно оторопели, растерялись, и их не столько били, сколько брали в плен. Он не давал опомниться неприятелю и одерживал одну победу за другой, заключая перемирия, когда находил это нужным. На желания и волю директории он уже не обращал ни малейшего внимания и распоряжался в Италии совершенно самостоятельно, очень часто даже прямо нарушая получаемые из Парижа инструкции. Даже тон его донесений директории изменился, стал более напыщенным и дерзким, и он подписывался уже не *Буонапарте,* а *Бонапарт,* так как прежняя его фамилия выдавала его итальянское происхождение.

Директория сама уже начала побаиваться своего победоносного генерала, который в Италии играл роль настоящего диктатора, тем более, что он сам содержал свое войско, конечно путем военных реквизиций, так как французская казна была пуста. Естественно, что при таких условиях, он мог проявить свою независимость и мог открыто смеяться над планами военных операций, которые послала ему директория, и, совершенно игнорируя ее, вести дипломатические переговоры.

Итальянский поход положил начало славе Наполеона, дальнейшие же события только укрепляли его положение и содействовали его возвышению. Задатки цезаризма особенно ясно обнаружились в нем в Италии, и далее они могли только развиваться все более и более.

Когда директория пробовала оказывать ему сопротивление, так как ее внешняя политика, бывшая в сущности политикой Наполеона, подвергалась яростным нападкам, то Наполеон грозил отставкой, и директора смирялись и шли на уступки,

потому что в армии Наполеон уже сделался кумиром, и солдаты готовы были идти за ним в огонь и воду.

Война кончилась миром в Кампо-Формио, выгодным для Франции, и полным посрамлением ее противников, Австрии и старой Германии. Этот мир послужил также основой будущего властительства Наполеона, сделавшегося полным господином положения. В побежденной стране он расположился как Цезарь, вводил контрибуции и налоги и организовал новое государство на развалинах старой Италии. У него была уже собственная резиденция — во дворце Монтебелло — в Милане, где он окружил себя пышным двором. Туда приехала к нему Жозефина, его сестры, мать и братья. Кроме них, конечно, съехались туда и много других людей — его восторженных поклонников, льстецов и просителей, как всегда составляющих свиту каждого, кто стоит на пути к власти и славе. Всем хотелось погреться в лучах новой восходящей звезды.

ГЛАВА IV

Возвышение Наполеона. — Египетский поход — Абукирская битва. — Возвращение во Францию и встреча в Аяччио. — Наполеон и Сиейс. — Переворот 18-го брюмера.

Наполеон совершенно расходился во взглядах с директорией, которая, как ни старалась, но не могла подчинить его себе. И хуже всего было то, что она еще вынуждена была благодарить его. Когда ему попробовали только высказать порицание, то он ответил именем *80.000 солдат,* что уже прошло время, когда адвокаты и болтуны могли гильотинировать солдат! Республиканская партия, опасавшаяся роялистов, замышлявших восстановление монархии, обратилась за помощью к Наполеону, и он послал в Париж своего генерала Ожеро, который в согласии с тремя директорами, произвел известный переворот 18-го фрюктидора (4 сентября 1797 г.), опять окружив солдатами Тюльерийский дворец. Из обоих советов были исключены наиболее оппозиционные члены и, кроме того, двое директоров отправлены в изгнание. Новая же директория, обязанная всем Наполеону, конечно, уже не смела идти ему наперекор ни в чем. В Париже, куда он вернулся с лаврами победителя, ему был оказан восторженный прием. Официальные круги устраивали в честь его блестящие празднества, и все партии наперерыв старались привлечь его на свою сторону, считая его своим. Но, в сущности, он никогда не принадлежал ни к какой партии, и поэтому каждая могла заявлять на него притязания.

Париж ликовал и чествовал Наполеона. Французский институт избрал его своим членом, а улица, в которой он жил, была названа улицей Победы. В военном же отношении он поразил весь мир, и его стратегия была признана классической и положена в основу всей теории военного искусства. Но сам Наполеон вел себя очень сдержанно и в своих речах всегда говорил о своей преданности революции, республике и конституции III года. Директория боялась его, но в то же время уже не могла без него обходиться, а Наполеон прекрасно видел, что она вступила на наклонную плоскость, которая должна была привести ее к погибели.

Зиму 1797-98 года Наполеон провел в Париже, и директория исполняла все, на что укавывал ей Наполеон. Он послал приказ генералу Бертье занять Рим и выработал план военного вмешательства в дела Швейцарии. В Раштате, куда он поехал в качестве уполномоченного Франции для переговоров с Германией

о мире, он вел себя очень надменно, подсмеивался над владетельными князьями и публично прогнал шведского уполномоченного графа Ферзена за то, что тот был другом Марии Антуанеты. Этим Наполеон подчеркивал свою преданность революции. Но в интимных разговорах он уже тогда говорил не стесняясь, что не верит в республику во Франции и что не для нее он служит! По некоторым известиям, ему хотелось тогда войти в состав директории, но директория боялась его и очень желала бы услать его подальше, поэтому она с радостью ухватилась за его предложение снарядить военную экспедицию в Египет, чтобы нанести удар английскому владычеству на море. Наполеон мог навязать Европе свои условия мира, но Англия, бывшая его самым сильным противником, еще не сложила оружия. В Англии он видел традиционного врага и соперницу Франции, и оба народа пылали друг к другу национальной ненавистью. Но высадку в Англии Наполеон считал неблагоразумным актом и поэтому отказался от нее, в виду того, что Англия господствует на морях. Англии надо было нанести удар с другой стороны и, посредством завоевания Египта, открыть более кратчайший путь в Индию, нежели пут вокруг Африки и мыса Доброй Надежды.

Египетский поход был решен, и Наполеон отправился туда с отборными военными силами, поставив себе целью разрушить влияние Англии и захватить в свои руки господство на Средиземном море. Конечно, надо было постараться прежде всего не возбуждать подозрительности турецкого султана. С султаном Франция, как монархическая, так и республиканская, неизменно поддерживала дружбу, тогда как Россия и Австрия всегда были соперницами Турции. Египет же был только номинально под властью султана, фактически же он находился в руках мамелюков, представлявших нечто вроде египетских феодалов и угнетавших туземное население. Наполеон уверил султана, что как *добрый друг турок, он намерен смирить мамелюков, поднять благосостояние его египетских подданных и возвысить значение Ислама.* Таким образом он заручился сочувствием султана и быстро и таинственно сделал все приготовления для своей экспедиции. Счастье помогало ему, так как Нельсон, сторживший его со своим флотом, не заметил, вследствие туманов и бурь, французской эскадры, вышедшей из Тулона с сорока тысячами солдат, и Наполеон мог без помехи продолжать свой путь дальше. Он достиг Александрии и без малейшего промедления высадил свои войска, несмотря на то, что день уже склонялся к вечеру, и море было бурное. На следующее же утро Александрия была взята, и Наполеон тотчас же обратился с воззванием к арабам и коптам, в котором заявлял, что он явился,

как почитатель Ислама и пророка и друг падишаха, с целью избавить его верноподданных от тирании мамелюков. С мамелюками, впрочем, ему не так трудно было справиться. Это был не народ, а просто фанатичная и отважная конница, не превышающая численностью 10.000 человек. Некогда она составляла придворную стражу калифа. Вооружены мамелюки были плохо, старыми ружьями, и почти не имели пушек, поэтому и не представляли такой силы, которая была бы страшна Наполеону. Гораздо опаснее были для него враждебные силы природы: песчаная пустыня, палящий зной, отсутствие воды и недостаток провианта, производившие гораздо большие опустошения среди солдат, нежели пули мамелюков. Но Наполеон сам переносил с солдатами все лишения и поддерживал в них энтузиазм. Когда у пирамид они встретили мамелюков, то он обратился к своим солдатам со следующими словами: «Солдаты! Сорок веков глядят на вас с высоты этих пирамид!»..

Отряды мамелюков были истреблены. Но в Каире Наполеон получил известие о том, что Нельсон истребил французскую эскадру у устьев Нила, под Абукиром. Эта победа англичан, казалось, разрушала все, что было Наполеоном достигнуто раньше. Но Наполеон не потерял своего самообладания. Он сказал своему другу и собрату по оружию, Мармону: «Потеря нашего флота, пожалуй, заставит нас совершить в этой стране гораздо большие подвиги, чем мы имели в виду сначала. Надо только держать голову над волнами — и они улягутся!»…

Однако положение его было трудное. Невозможно было получить ни откуда ни подкреплений, ни даже известий. И французские отряды были совершенно предоставлены собственным силам среди чуждой природы и враждебного населения. Но Наполеон не знал, что значит отчаиваться или теряться. Не взирая на то, что он оказался почти отрезанным от Франции, он все же старался укрепить свое положение в Египте и почти очистил его от мамелюков, которых разбил наголову, а остатки их отрядов заставил отступить к Нильским порогам. Арабов и коптов он старался привлечь на свою сторону и все народности допустил к местному самоуправлению. Он завел типографии и учредил Египетский институт, президентом которого назначил Монжа. Известно, какое огромное значение в области египтологии имели работы этого института. Но эта мирная работа была прервана войной. Народ, недовольный контрибуциями, разоружением и налагаемыми на него повинностями, взбунтовался. Было произведено нападение на французские посты, но Наполеон с неумолимой строгостью и

жестокостью подавил восстание и, созвав улемов в Каире, сказал им следующее: «Объявите народу, что тот, кто умышленно восстанет против меня, не найдет спасения ни на этом, ни на том свете. Разве есть такие слепые, чтобы не видеть, что судьба руководит каждым моим шагом или есть такие неверующие, чтобы сомневаться, что все в этом мире подчиняется судьбе?… Я могу потребовать отчета за каждую сокровеннейшую мысль, так как я знаю все, что от меня скрывают! Придет день — и всем станет ясно, что я следую высшим велениям и никакие человеческие усилия против меня ничего не поделают!»…

Наполеон почти ничего не знал, что делается в Европе, и не ожидал, что Абукирская битва так скоро окажет влияние на европейскую политику, и Франция будет свергнута с той высоты, на которую он возвел ее своими победами. Правда, существуют указания на то, что, уезжая в Египет, где он рассчитывал покрыть себя новой военной славой, он предвидел, что Франция может потерпеть поражение, и тогда все обратятся к нему. Но коалиционная война началась все же раньше, чем он думал. Само собой разумеется, что и турки тотчас же перешли в ряды врагов Франции. Наполеон был в Суэце, разыскивал следы древнего канала — он мечтал о прорытии Суэзского перешейка и соединении двух морей, когда получил известие о наступлении турецких войск. В его распоряжении оставалось только 13.000 солдат, но тем не менее он тотчас же выступил на границу Сирии. Вместе со своими солдатами он совершил чудеса храбрости, но в то же время и ужасающие жестокости. Он взял турецкие форты, а три тысячи человек, сдавшихся ему, он расстрелял на берегу. В его оправдание приводится то, что у него не было средств прокормить такое количество военнопленных. Но весьма вероятно, что он имел в виду произвести устрашающее действие на врага. Однако он ошибся. В крепости Сен-Жан д'Акра, резиденции паши, он наткнулся на такое стойкое сопротивление, какого ожидать не мог. Оказалось, что там были англичане, явившиеся на помощь туркам, и Наполеон должен был отступить. Возвращение назад по жгучим пескам пустыни было ужасно. Солдаты были совершенно истощены и брели как тени. Болезни опустошали их ряды не меньше, чем неприятельские пули. Но едва они дотащились до Каира, как снова пришлось выступить против врага, вдвое превышавшего их силы. Произошла беспримерная битва на мысе Абукира. Французы дрались с мужеством отчаяния, так как для них тут все было поставлено на карту. И они совершили чудеса. Шесть тысяч турок погибли, частью от пуль, частью же были оттеснены к морю и погибли в его волнах. Четыре тысячи положили оружие, и ни один из них не

ушел.

Пребывание Наполеона в Египте и Сирии продолжалось почти два года, с 1797 по 1799 год. О своем возвращении в Европу он уже подумывал осенью 1797 года, как только до него дошли известия о коалиционной войне. Когда же Франция начала терпеть неудачу за неудачей, то директория сама пожелала призвать Наполеона, для того чтобы он стал во главе республиканских армий. Но письмо директории не дошло до него. Когда же он узнал из английских газет о том, что творится во Франции, где директория потеряла всякое значение, и о положении Франции на театре войны, то решил, не дожидаясь разрешения из Парижа, прямо ехать туда. Египетскую колонию, о которой мечтал Наполеон, все равно нельзя было сохранить при отсутствии всякой поддержки со стороны Франции, теперь обессиленной и ожидающей нашествия врагов. Спасти Францию могли только новые победы, но на море они были уже невозможны после Абукира, и оставалось только сражаться на суше.

Наполеона много раз обвиняли в том, что он покинул остатки своей армии в Египте, под начальством генерала Клебера (вскоре убитого одним туземцем-фанатиком), и бежал во Францию, исключительно преследуя свои личные интересы и надеясь на развалинах власти директории создать свою собственную власть. Несомненно, конечно, что он тогда уже мечтал о господстве во Франции, но судьба его была тесно связана с судьбой Франции, и, спасая свое дело, он спасал и Францию.

Сорок восемь дней носился он по морю, прежде чем достиг, наконец, берегов Франции. Несколько раз он подвергался опасности попасть в руки англичан. С изумительной смелостью он проскользнул ночью, потушив огни, мимо английского крейсера, которому Нельсон, не подозревавший, впрочем, о дерзкоотважном поступке Наполеона, поручил сторожить морской проход между мысом Бон и Мальтой.

Маленькая эскадра Наполеона, состоявшая из трех кораблей, наконец, благополучно достигла Аяччио, и Наполеон, опять увидел свою родину, которую он должен был покинуть шесть лет тому назад, как изгнанник, осыпаемый проклятиями своих соотечественников. Теперь же население Аяччио встречало его восторженно. В глазах пылких корсиканцев он был героем, прославившим своими победами корсиканское имя. В толпе, которая, не взирая на карантин, установленный из опасения чумной заразы (в египетских войсках чума производила большие опустошения), теснилась к кораблям, находилась одна крестьянка, которая, увидав Наполеона на палубе фрегата,

закричала ему по-итальянски: «Сын мой! Сын мой!» — и Наполеон радостно закивал ей, крича: «Матушка! Матушка!» Оказалось, что это была его кормилица, пришедшая взглянуть на своего питомца. Он не забыл потом о ней, когда достиг вершины могущества, и осыпал щедрыми милостями ее и ее семью.

В Аяччио Наполеон узнал о новых катастрофах, постигших Францию на театре войны. Наполеон поспешил распроститься со своей родиной и на этот раз уже навсегда. Ему суждено было только издали увидеть свои родные горы, в первый раз, когда его отправляли на остров Эльбу и во второй раз — во время своего последнего путешествия во Францию.

По пути в Тулон Наполеон чуть не был настигнут английским крейсером, но обманул его ловким маневром. Девятого октября он высадился в бухте Фрежюс, откуда прямо направился в Париж, восторженно приветствуемый населением на всем пути. Народ видел в нем теперь своего единственного спасителя, и, веря в его непобедимость, только на него одного возлагал все свои надежды. В Париж Наполеон приехал 16-го октября и прямо отправился на свою квартиру, в улице Победы, где оставалась Жозефина. Но он не застал ее дома. Он знал уже из писем своих братьев, что она утешалась в его отсутствие и оправдывала свою легкомысленную репутацию. Жозефина, отправившаяся, как оказалось, ему навстречу, ошиблась, избрав другую дорогу и не встретила его. Но когда она вернулась, то нашла двери дома запертыми, и рассерженный Наполеон долго не хотел пускать ее. Однако прекрасная грешница все-таки сумела умилостивить его, и с той поры она уже больше не давала ему поводов к ревности. Впрочем, его быстрое возвышение поневоле заставляло Жозефину, не только не уклоняться с пути добродетели, но и смотреть снисходительно на все его уклонения. Она начала бояться за свое положение первой дамы во Франции и всячески старалась упрочить его, пока ей не пришлось уступить своего места императорской дочери.

Момент, выбранный Наполеоном для своего появления во Франции, был очень удачен для него. Во Франции царило всеобщее недовольство директорией, которая, действительно, прибегала к насилиям, напоминавшим террор и доводившим страну до разорения и голода. То и дело вспыхивали мятежи, и Франции, по-видимому, предстояло выбирать между восстановлением Бурбонов, а следовательно и прежних порядков, или же восстановлением анархии. Около этого времени один француз писал, что Франция слишком утомлена и не может сама выбрать себе господина. Но если явится человек с готовым планом, то он будет иметь успех. Таким именно человеком был

Наполеон, не допускавший, чтобы можно было действовать иначе, как только руководствуясь личными интересами. Давно уже миновало то время, когда он мечтал о бескорыстном служении идее. К революции он относился с большим презрением, видя в ней только игру тщеславия и не веря больше ни в какую идеологию. Поэтому-то он и мог искусно лавировать между партиями, одинаково презирая их все. Он был сначала с монтаньярами, потом от них отрекся. Накануне 13-го вандемьера он с презрением говорил о конвенте, а потом его же защищал, обстреливая картечью его врагов. К директории же он всегда относился с пренебрежением и во время итальянского похода сказал в одном откровенном разговоре: «Неужели вы думаете, что я одерживаю победы в Италии ради величия адвокатишек директории, всех этих Карно и Баррасов? Или, что я это делаю ради основания республики? Что за вздор! Республика в тридцать миллионов душ? С нашими-то нравами и пороками? Это просто химера, которою теперь одержимы французы, но она исчезнет, подобно многим другим. Им нужна слава, нужно удовлетворение собственного тщеславия, что же касается свободы, то в ней они ничего не смыслят!» К этому он еще прибавил следующие слова, достаточно ясно определяющие его направление мыслей: «Если я покину Италию, то лишь для того, чтобы играть во Франции ту роль, какую я здесь играю. Но время для этого еще не настало, груша еще не созрела… Я не могу больше повиноваться. Я попробовал власти и уже был бы не в состоянии отказаться от нее. Во всяком случае, мое решение принято. Если мне нельзя будет сделаться господином во Франции, то я ее покину!»… Он признавался, кроме того, что восток излечил его от прежних идей и от увлечения Руссо. Он видел страну, где государь ни во что не ставил жизнь своих подданных, и они сами ни во что не ставили собственную жизнь, и в этой стране, по его словам, каждый должен был бы вылечиться от своих филантропических идей!

Однако, вернувшись во Францию, Наполеон не сразу обнаружил свои замыслы. Он действовал очень осмотрительно и сначала вел себя очень сдержанно, заняв свое прежнее место. Первый свой визит он сделал своим ученым коллегам в институте и скромно занял свое место, придя на заседание института, вместе с Монжом и Бертолле. Он даже сам прочел доклад о научных результатах своей египетской экспедиции, о памятниках древнего Египта и следах древнего Суэзского канала, а также изложил планы его восстановления. Само собой разумеется, что ученые члены института, польщенные его вниманием, тотчас же сделались его сторонниками.

Наполеон ходил в штатском платье и только носил на поясе

турецкую саблю. Он присматривался и прислушивался ко всему, но не сближался ни с одной из партий и вообще избегал всего, что могло бы дать повод говорить, что он желает оказывать влияние на правительство. Между тем он ловко прокладывал дорогу к своей цели. Единственным человеком, с которым он тогда сблизился, был Сиейс, бывший одним из директоров. Сиейс выработал план новой конституции, и Наполеон казался ему как раз подходящим человеком для того, чтобы подготовить и произвести государственный переворот. Наполеон соглашался с Сиейсом, что Франция нуждается в более сильном правительстве, и что власть должна быть сосредоточена в руках меньшего количества людей, поэтому пять директоров лучше заменить тремя консулами.

Сиейс играл видную роль в истории революции, был членом комитета, вырабатывавшего конституцию 1791 г., и членом конвента и комитета общественного спасения. Уже тогда у него был свой собственный план конституции, но он не был принят, поэтому Сиейс враждебно относился к конституции III года и только и думал о том, как бы ввести во Франции новые учреждения. Его даже подозревали в том, что он не прочь был бы с иностранной помощью изменить внутреннее устройство Франции в желательном для него смысле. Когда Наполеон вернулся из Египта, и Франция единогласно указывала на него, как на единственного человека, который мог спасти государство при тогдашних трудных обстоятельствах, то Сиейс, конечно, постарался войти в соглашение с этим самым популярным в войсках и в народе генералом.

Наполеон на первых порах думал только о том, чтобы стать одним из директоров, но конституция III года дозволяла выбирать в директора только людей не моложе 40 лет, поэтому планы Сиейса, конечно, были ему на руку. Впоследствии он сам говорил, что никогда не проявлял столько ловкости, как по возвращении из Египта. «Я видался с Сиейсом и обещал ему свою помощь в осуществлении его многосложной конституции. Я принимал якобинских вождей, принимал бурбонских агентов и никому не отказывал в своих советах, но всегда их давал в интересах собственных планов», — признавался потом Наполеон. «А когда я сделался главой государства, то во Франции не было партии, которая не связывала бы с моим успехом какой-либо надежды!»… Наполеон обещал свое содействие планам Сиейса, но потребовал только некоторых изменений, а именно: чтобы до окончательного введения новой конституции было назначено временное правительство, в состав которого и он должен был войти, вместе с Сиейсом и Роже-Дюко. Сиейсу это не очень нравилось, но

противиться Наполеону он не посмел. Насколько Сиейс сам опасался Наполеона и прозревал его намерения, доказывают его собственные слова: «Я пойду с генералом Бонапартом, но я знаю, что меня ожидает. После успеха генерал оставит нас позади и вот что сделает с нами». — Сиейс оттолкнул своих собеседников назад и очутился один посреди комнаты, наглядно показав, как поступит с ним Наполеон.

Тщательно обдумав план переворота, который должен был совершиться во имя свободы и республики, заговорщики привели его в исполнение 18-го брюмера (9-го ноября), распустив предварительно слух об опасном якобинском заговоре. Совет старшин, под влиянием Сиейса, на стороне которого было большинство, вотировал перенесение заседаний обеих палат в Сен-Клу, что было нужно заговорщикам для того, чтобы якобинцы совета не помешали всему делу, соединившись с населением предместий. Сиейс справедливо рассчитывал, что вне Парижа совет будет сговорчивее. В содействии войска он не сомневался, так как армия боготворила Наполеона, которого уже тогда называли *маленьким капралом.* Наполеон, окруженный генералами и офицерами, ждал у себя дома назначения своего на высокий пост главнокомандующего. К нации же совет обратился с особым манифестом, в котором оправдывал эти меры необходимостью усмирения тех, «кто стремится к тираническому господству над национальным представительством», и необходимостью обеспечить внутренний мир страны. Когда же Наполеон явился в совет, чтоб принести присягу, то вместо этого он произнес краткую речь следующего содержания: «Ваша мудрость внушила вам этот декрет, а наши руки сумеют его исполнить. Мы желаем республики, основанной на истинной гражданской свободе, на национальном представительстве. Она у нас будет, я в этом клянусь, клянусь за себя и за своих товарищей по оружию».

Конечно, речь Наполеона была покрыта аплодисментами. Вслед за тем он обратился с прокламацией к войску, в которой говорил: «Два года уже республика плохо управляется. Вы возложили свои надежды на то, что мое возвращение положит конец всем этим бедствиям и отпраздновали это возвращение с единодушием, налагающим на меня обязанности, которые я теперь и выполняю… Свобода, победа и мир возвратят французской республике то место, которое она занимала в Европе, и которого могли ее лишить разве только неспособность и измена!»

В тот же день, согласно уговору, Сиейс и Роже-Дюко подали в отставку, и Наполеон написал Баррасу и потребовал от него,

чтобы он тоже подал прошение об отставке. Это было нужно для того, чтобы совсем уничтожить существовавшую в то время исполнительную власть. С выходом же в отставку трех членов, директория фактически упразднялась. Баррас не стал сопротивляться и прислал сказать об этом Наполеону, а тот, в присутствии посторонних свидетелей, обратился к посланному с такими словами: «Что сделали вы из Франции, которую я вам оставил в таком блестящем положении? Я оставил вам мир, а по возвращении своем нашел войну. Я оставил вам победы, а теперь вижу поражения. Я оставил вам итальянские миллионы, а по возвращении нашел расхищенную казну и нищету! Что сделали вы с сотнями тысяч французов, мне хорошо известных, моих товарищей по славе? Их нет более в живых! Такой порядок вещей не может дольше продолжаться! *В какие-нибудь два-три года он привел бы нас к деспотизму.* Но мы желаем республики, основанной на равенстве, на морали, на гражданской свободе, и на политической терпимости!»…

Гойе и Мулен, два не вышедшие в отставку директора, пробовали было протестовать против заявлений Наполеона, но были потом задержаны в Люксембургском дворце по его приказанию. Сиейс предлагал Наполеону арестовать еще десятка два-три членов совета пятисот, но Наполеон отказался, не желая показать, что он их боится.

На другой день оба совета собрались в Сен-Клу; совет старейшин в одной из зал дворца, совет пятисот в оранжерее. Оба совета были в большой тревоге. Якобинцы, не присутствовавшие на заседаниях накануне, так как не получили повесток, требовали теперь объяснений случившегося. Но уже многие из старейшин, давшие свое согласие на перемену директории, которой все были недовольны, начали понимать теперь, что дело не в этом, а в отмене конституции. Когда же им было дано знать об отставке трех директоров, то все пришли в сильное смятение. Якобинцы тогда потребовали, чтобы все депутаты поголовно снова присягнули на верность конституции III года. Слышались даже возгласы: «Долой диктаторов! Мы здесь свободны! Штыки нас не пугают!» Наполеон, находившийся в это время в одной из комнате дворца и опасаясь, что дело может принять неблагоприятный оборот, решил действовать энергично, воскликнув: «Этому должен быть положен конец!» С этими словами он неожиданно явился в зале совета, рассчитывая, что его появление произведет желаемое впечатление на старейшин. Но так как он сам был очень взволнован и раздражен и не приготовился к произнесению речи, то начал очень спутанно говорить об опасностях, которые угрожают республике, об отсутствии руководителей, прибавив,

что еще только совет старейшин стоит на ногах и должен вступиться за республику. «Спасем свободу! Спасем равенство!» — воскликнул он. — «А конституцию?» — крикнул один из членов. Этого было достаточно, чтобы вызвать взрыв. «Вашу конституцию?» — вскричал Наполеон. — «Да вы сами нарушили ее! Вы нарушили ее 18-го фрюктидора, вы нарушили ее 22-го флореаля и 30-го прериаля! Никто более не уважает ее! На нее ссылаются все партии, и она всеми ими нарушается и презирается, поэтому она не может спасти Францию!» — Далее он снова заговорил о заговорах, об опасностях, грозящих республике, и о том, что некоторые лица пытались его привлечь на свою сторону и стать во главе партии, желавшей низвергнуть всех свободомыслящих людей. Когда от него потребовали имен, он назвал Барраса и Мулена, но ему не верили и шум не утихал. Его теснили со всех сторон. Он крикнул: «Помните, что я шествую, сопровождаемый богами счастья и богом войны!» и, наконец, выбрался в оранжерею, где заседал совет пятисот. Там он, по-видимому, заранее решил вызвать конфликта, так как явился туда в сопровождении четырех гренадер, кроме Лефебра, Мюрата и своего брата Люсьена. Представители народа увидели таким образом воочию, что им угрожало: диктатура и штыки. Конечно, этот вид привел их в страшное негодование. Раздались крики: «Долой диктатора! Долой тирана! Вне закона!» — и на Наполеона набросились с кулаками. Растерявшийся от этой неожиданности и взбешенный Наполеон, был почти без чувств вынесен на руках из залы своими гренадерами. Но на двор он пришел в себя и, вернув свое хладнокровие, стал во главе батальона гвардии законодательного корпуса.

«Вне закона!» Это был лозунг революции, пущенный Робеспьером на вершине власти и приносящий смерть. Наполеон услышал его, но победитель, в котором нация видела своего спасителя, не мог испугаться этих слов. Якобинцы были бессильны. Они ничего не могли противопоставить Наполеону, кроме своих слов и конституции, представляющей ничего нестоящий клочок бумаги. Они не могли спасти от раздора государство; нация же только на Наполеона возлагала надежды. Но все же был такой момент, когда дело Наполеона могло быть проигранным, потому что среди гвардейцев заметно было колебание. Сиейс, Роже Дюко и Талейран уже были наготове спасаться бегством, в случае неудачи. Но Наполеон бежать не собирался. Он вскочил на лошадь и бросился к своим гренадерам, возбудил их своим рассказом о покушении на него, о подкупленных врагах и кинжалах, которыми ему грозили. К нему присоединился его брат Люсьен, который был председателем в

совете пятисот, и покинув Совет, обратился с речью к солдатам, заклиная их спасти своего генерала от «убийц, подкупленных Англией».

Солдаты, немедленно вошли в залу с барабанным боем, и депутаты, без малейшего сопротивления, тотчас же разбежались, протестуя и крича: некоторые повыскакивали из окон, опасаясь насилий, и пустились в темноте бежать через сад, смешавшись с публикой, наполнявшей трибуны.

Государственный переворот был совершен, и оставалось только оформить его. Это уже не составило затруднений. Совет старейшин назначил, вместо директории, временное правительство из трех консулов — Сиейса, Роже-Дюко и Бонапарта, и избрал комиссию для выработки новой конституции. Вновь назначенные консулы принесли затем присягу в верности верховенству народа, республике, свободе, равенству и представительному правлению. Люсьен Бонапарт поздравил представителей народа с великим событием и произнес следующие слова: «Если свобода родилась в зале jeu de paume, в Версале, то упрочена она была в оранжерее, в Сен-Клу!» По-видимому, это думали и парижане, с облегчением вздохнувшие, когда факт совершился. Настоящее было так тяжело, что все готовы были радоваться перемене. И 18-го и 19-го брюмера все спокойно занимались своими делами, как-будто ничего важного не произошло. А между тем Франция именно в эти дни вступила на путь цезаризма. Но даже, когда лживость заявлений, которыми заговорщики хотели оправдать свои поступки, сделалась очевидной для всех, большинство все же отнеслось к этому равнодушно. Фигура Наполеона совершенно заслоняла других его товарищей и консулов, и в нем многие готовы были видеть спасителя от всех внутренних и внешних бед. То, как он достиг власти, представлялось им вопросом второстепенным, лишь бы он эту власть употребил на пользу и спасение Франции! Министр иностранных дел Талейран говорил тогда о Наполеоне: «Его удивительная уверенность в себе внушает его сторонникам столь же увивительное чувство обеспеченности». В этом, пожалуй, заключалась тайна его власти над современниками.

Новое правительство, после переворота 18-го брюмера, конечно, прежде всего занялось выработкой новой конституции, и эта конституция 22-го фримера VIII года (13 декабря 1799 г.) управляла Францией в эпоху консульства и империи, лишь с некоторыми изменениями. Первая французская конституция (1791 г.) была монархической лишь по форме, а по содержанию она была республиканской. Новая же конституция была республиканской лишь по названию, а по существу была

монархической, в силу той власти, которую она предоставляла первому консулу. Два другие консула, его товарищи, были лишь простыми ассистентами первого консула. Все органы администрации зависели от него одного, а законодательные собрания превратились в простые декорации, за которыми скрывалась почти неограниченная власть главы государства, т. е. первого консула. Не было также упомянуто в этой конституции о знаменитой декларации прав человека и гражданина, и в этом заключается ее коренное отличие от всех революционных конституций. Но тем не менее торжественно было объявлено, что конституция будет предложена французскому народу для ее принятия.

Впрочем, никто не сомневался, что она будет принята. Действительно, плебисцит 18-го плювиоза VIII г. (7 февраля 1800 г.) утвердил ее. Из 3.012.569 граждан, подававших голоса, только 1562 человека высказались против!

В одном отношении Наполеон быстро выполнил надежды, возлагаемые на него народом. Он вернул внешний и внутренний мир Франции и возвысил ее. Весной 1800 г. он лично руководил армией в Италии и одержал блестящие победы. Менее чем через год Люневильский мир положил начало господству Франции не только в Италии, но и в Германии, а еще год спустя был заключен мир и с Англией. Таким образом, Наполеон является уже в ореоле не только победителя, но и миротворца. Казалось, и все европейские нации готовы были признать его таким, и не даром великий Бетховен назвал свою третью симфонию «Бонапарт», и в ее героических звуках изобразил его деяния. Один молодой немецкий ученый, профессор берлинского университета Зольгер, описывает впечатление, какое произвел на него первый консул на одном военном параде. Наполеон был окружен генералами, мундиры которых сверкали золотом, но сам он был в простом синем мундире без всякого шитья, и шляпа его была украшена только национальной кокардой. Несмотря на свой небольшой рост, невзрачную фигуру и бледное, с желтизной, безжизненное лицо, он все же приковывал к себе внимание. Величие отражалось и на его маленькой фигурке, сидящей на лошади, и на его лице. Народ восторженно встречал его. Женщины поднимали детей, чтобы они могли на него посмотреть, и одна из них сказала при этом: «Видите вы? Это ваш король!..» Но ее соседи выругали ее за это…

ГЛАВА V

Конец революции. — Восстановление во Франции старого порядка. — Кодекс Наполеона. — Его мнение о причинах революции. — Понимание характера французской нации. — Раздражительность и грубость. — Превращение Франции в монархию. — Казнь герцога Энгиенского. — Плебисцит.

Переворот 18-го брюмера имел большое значение не только для Франции, которую он лишил всякого подобия свободы, но и для остальной Европы. Во Франции он означал конец революции. Новая власть, установившаяся во Франции в лице первого консула, занялась внутренней организацией страны. Наполеон проявил в этом деле замечательные способности и умение выбирать сотрудников. С целью умиротворения страны и желая привлечь на свою сторону приверженцев старой Франции, он освободил священников, находившихся в ссылке, и закрыл списки эмигрантов. Двери новой Франции таким образом открывались для всех приверженцев старины, но под одним лишь условием: они должны были признать свершившийся факт. Зато к якобинцам Наполеон относился с величайшим недоверием и ожесточенно преследовал их, при помощи своего министра полиции Фуше, никогда бывшего ярым якобинцем. Особенно сильным репрессиям подверглись якобинцы после покушения на первого консула в декабре 1800 г. Однако адская машина, начиненная порохом и пулями, взорвалась, не причинив никакого вреда первому консулу, а на якобинцев посыпались кары, и многие из них поплатились ссылкой *ради обеспечения общественного спокойствия,* как сказал Фуше, хотя и было доказано, что в заговоре якобинцы не участвовали, и он был устроен одними роялистами.

Таким же репрессиям подверглась и печать, к которой Наполеон относился с величайшим недоверием с самого начала. Он сразу закрыл 60 газет и оставил только 13, которые однако подчинил самому суровому режиму. Свободе политической печати наносится, таким образом, тяжелый удар. Впрочем, Наполеон вообще старался подавлять всякое проявление общественной свободы во Франции. Он не терпел оппозиции, и все должно было склоняться перед его властью. Впрочем, новые законодательные учреждения, члены которых были назначены или Наполеоном или преданным ему сенатом и притом получали большое жалованье, не делали никаких попыток к оппозиции. Они были раболепны, насколько только можно вообразить, и

лишь один трибунат, обязанный критиковать законы, вздумал было серьезно взглянуть на свою роль. Наполеон пришел в сильнейшее раздражение. Он объявил, что *он солдат, сын революции и не потерпит, чтобы его оскорбляли, как какого-нибудь короля!* Когда ему указывали на необходимость оппозиции и ссылались при этом на Англию, то он сердился и возражал на это, что оппозиция только роняет власть в глазах народа, и что для хорошего правления нужно безусловное единство.

Однако власть Наполеона родилась все-таки из революции, и потому, несмотря на свое властолюбие и деспотизм, приближавшие его к Людовику XIV, он должен был сохранить историческое положение, создавшееся во Франции путем замены старого католико-феодального общественного строя бессословным гражданством. Для громадного большинства французов сущность революции именно и заключалась, главным образом, в отмене сословий, привилегий, феодальных прав, а не в уничтожении произвольной власти. Гражданское равенство было для нации более ценным приобретением, нежели политическая свобода. Поэтому в глазах массы Наполеон, упрочивавший социальные приобретения революции посредством внутренней организации, обеспечивший гражданское равенство, свободу поземельной собственности и равенство перед законом, был спасителем революции и ее наследником, и это укрепляло его положение среди народа. Только в глазах тех людей, кому дороги были принципы 1789 г., дорога индивидуальная и общественная свобода, Наполеон был узурпатором и *первым из контр-революционеров,* как называла его г-жа Сталь. В сущности, Наполеон был продолжателем старой монархии и вводил в стране беспощадную бюрократическую централизацию, не допуская никаких самостоятельных общественных соединений.

На церковь и религию он смотрел, как на силу, с которой государство должно находиться в союзе. Это и побудило его заключить конкордат с папой, определявший отношения церкви к государству и положение духовенства во Франции. «Общество, — говорит он, — не может существовать без неравенства имущества, а неравенство имущества не может существовать без религии. Голодный человек не мог бы терпеливо переносить того, что рядом с ним другой утопает в излишестве, если б не существовало власти, говорящей ему, что так угодно Богу». — С этой именно точки зрения Наполеон и смотрел на христианство, видя в нем *тайну общественного порядка.* В его представлении религия и государство должны быть тесно связаны между собой, иначе государством трудно будет управлять, поэтому-то он и превратил католическое духовенство во Франции в «священную

жандармерию», и даже сам издал «органические статьи католического культа». А когда он сделался императором, то, по его приказанию, был составлен для школ новый катихизис, в котором власть императора возводилась почти на степень религиозного догмата. Он всегда был на стороне положительных, установленных вероисповеданий, видя в них нечто в роде «прививки оспы, удовлетворяющей стремление человека к чудесному и гарантирующей его от шарлатанов». Он говорил: «Попы лучше, чем Калиостро, Канты и все немецкие фантазеры!» Но сам Наполеон отнюдь не был религиозен. Он даже прямо заявлял: «Я — никто! Я был мусульманином в Египте, а здесь я буду католиком для блага народа. Я не верю в религии!» И это была правда, так как для него религия была только известным политическим средством, поэтому он мог подделываться под миросозерцание мусульман в Египте и под антикатолическое настроение республиканцев, говоря, что враги французской свободы — это: роялизм, феодализм и *религия.* А в первый год своего консульства, в речи, сказанной перед миланским духовенством, он уже говорил, что по его мнению, *католическая религия одна только в состоянии доставить настоящее благополучие правильно устроенному обществу* и утвердить основы хорошего правительства. Он высказался при этом и против философии XVIII века и против *революции, преследовавшей католицизм,* и заявил, что ни одно общество не может существовать без морали, а хорошая мораль невозможна без религии!

В политическом и административном смысле Наполеон восстановлял Францию старого порядка, с характеризующей ее централизацией и отсутствием общественной свободы. Чрезвычайно важная и громадная работа была исполнена в эпоху его управления государственным советом по составлению свода гражданских законов, получившего название *Кодекса Наполеона.* Это чрезвычайно простой и краткий гражданский кодекс, обнимающий всю жизнь гражданина, и Наполеон мог с полным правом говорить, что этот памятник его деятельности никогда не изгладится из памяти и будет жить вечно, даже тогда, когда изгладится всякое воспоминание о его победах. Новая юстиция отчасти напоминала идеал революции, со своими присяжными, адвокатами, мировыми судами и несменяемостью судей. Однако эта, казалось, незыблемая твердыня правосудия не могла все-таки служить преградой цезаризму, и Наполеон обходил ее при помощи *специалъных* судов. Все же, социальные приобретения революции были обеспечены Наполеоном, но его политический режим был восстановлением абсолютизма. Масса любит только

равенство, — справедливо рассуждал он, — свободы же добиваются только немногие. Он не верил, чтобы участие в революции тех или других лиц могло объясняться их стремлением к политической свободе. Причины революции он сводил к неравенству, к привилегиям. Он прекрасно видел, что среди республиканцев конца XVIII века было не мало людей, стремившихся только к власти, и охотно впоследствии делал таких людей министрами, сенаторами и т. п., превращая их в своих сторонников: «Французы, — говорил он, — ничего не умеют серьезно желать, кроме разве одного только равенства! Да, пожалуй, и от него каждый из них охотно откажется, если только может сделаться первым. Нужно каждому позволять надеяться на повышение. Нужно всегда держать в напряжении тщеславие французов. Суровость республиканского режима наскучила бы им до-смерти… Что произвело революцию? Тщеславие. Что положит ей конец? Опять-таки тщеславие. Свобода — один предлог!» В другой раз он заявил: «Свобода может быть потребностью лишь весьма малочисленного класса людей, от природы одаренного более высокими способностями, чем масса, но потому-то свободу и можно безнаказанно подавлять, тогда как равенство нравится именно массе»… Понятно, что, не веря в стремление нации к свободе, он и вел себя таким образом, как-будто нация и на самом деле не желала свободы. Когда это было нужно, он, конечно, произносил имя свободы, но не придавал ей ни малейшего значения. Он считал настоящим приобретением революции именно то гражданское равенство, которое могло существовать и под властью абсолютного правительства и которое было политическим идеалом громадного большинства французов. И в этом отношении Наполеон проявил гениальное понимание характера французской нации; он видел, что почти все, имевшие власть в своих руках в самые бурные периоды революции, так обращались со свободой, как будто она существовала только для них, будучи твердо уверены, что для доставления торжества своим идеям, они должны раздавить или уничтожать идеи других. Действительно, надо отдать справедливость Наполеону, он, по крайней мере, не прикрывал своего деспотизма именем свободы, как это делали его революционные предшественники. Идея народовластия представлялась ему в довольно оригинальной форме. Правительство, по его мнению, было истинным представителем нации. В первый год консульства, в заседании государственного совета, он говорил следующее: «Моя политика состоит в том, чтобы управлять так, как того хочет большинство нации. Превратившись в католика, я кончил вандейскую войну,

сделавшись мусульманином, я утвердился в Египте, а ставши ультрамонтаном, я привлек на свою сторону духовенство в Италии. Если бы я управлял народом, состоящим главным образом из евреев, я бы восстановил храм Соломона. По той же причине я буду говорить о свободе в свободной части С. Доминго, но я утвержу рабство в Иль де-Франсе или в другой части С. Доминго, оставив за собой право смягчить и ограничить невольничество там, где я его удержу, и, наоборот, восстановить порядок и поддержать дисциплину там, где я его отменю. В этом, по-моему, и заключается принцип народного верховенства». То государство, которое создавал Наполеон, не должно было знать свободы, и неограниченная верховная власть народа целиком переносилась на того, кого он называл настоящим представителем народа, т. е. на правительство. Что он не ошибался в своем суждении о французах, доказывают плебисциты, которые миллионами голосов сначала сделали его консулом на десять лет, потом пожизненным консулом и, наконец, императором.

Наполеону только что исполнилось тридцать лет, когда он сделался полновластным распорядителем судеб наций. Но его организаторский талант, его умственная сила и работоспособность поражали всех, даже тех, кто несочувственно относился к нему. Он умел довольно ловко, скрывать свое невежество и, обладая громадной памятью и наблюдательностью, легко ориентировался в каждом принципиальном вопросе, который обсуждался в его присутствии. Притом же он умел соединять таланты разного рода и заставлял совместно работать людей, совершенно расходившихся между собой по характеру и убеждениям, часто находившихся в открытой вражде и подвергавших друг друга изгнанию в разные периоды революции. И часто верностью своих суждений и замечаний Наполеон удивлял даже сведущих людей. Работая чуть ли не двадцать часов в сутки, он никогда не обнаруживал ни умственного утомления, ни физической усталости, ни малейшего признака ослабления… Его властная натура требовала безусловного подчинения его воле, и он всегда умел разыскать в каждом человеке ту слабую струну, на которую нужно было действовать, чтобы подчинить его себе. И он умел играть на этой струне, привлекая к себе и подчиняя человека. Само собой разумеется, что чем больше находил он таких людей, тем сильнее развивались его деспотизм и честолюбие. В конце концов, он оказался окруженным только раболепными исполнителями своей воли. Слушаться, не рассуждая, было требованием, которое он предъявлял всем и каждому, и, конечно, находились очень много людей, готовых

удовлетворить это требование. И часто он требовал от своих слуг исполнения таких дел, которые противоречили чувству чести и совести. Не раз исполнители его велений говорили со вздохом, что не легко служить ему. Да Наполеон и сам понимал это, и говорил, что счастлив только тот, кто прячется от него в глуши провинции. Как-то однажды он спросил, что будут говорить после его смерти, и, конечно, получил в ответ, что все будут его оплакивать. «Ну, нет», — возразил он! «Скажут только: уф!» — И он сделал движение человека, отделавшегося от тяжелой ноши. О будущем он не задумывался, и когда ему сказали, что после его смерти невозможно будет управлять такой громадной империей, которую он создал своими завоеваниями, то он ответил: «Если мой преемник будет глуп, то тем хуже для него!» К человеческой жизни, к «пушечному мясу» солдат он относился с полным презрением и прямо говорил: «Я вырос на полях битвы. Такому человеку, как я, наплевать на жизнь миллиона людей!» И тем не менее армия боготворила своего «маленького капрала». Беспрерывные войны, конечно, сами собой выдвигали армию на первый план, но и Наполеон делал все, чтобы привязать к себе солдат, офицеров и генералов. Повышение офицеров происходило необыкновенно быстро, и вообще военная карьера была самой выгодной в материальном отношении. Офицеры получали, кроме большого жалованья, денежные награды и имения в завоеванных странах, а тщеславию их льстила возможность получить титул барона, князя или герцога. Наполеон учредил орден Почетного Легиона, который сделался целью стремлений великого множества французов. Когда же некоторые из республиканцев сказали ему, что в республиках такие игрушки не нужны, то он воскликнул: «Вы называете это игрушками? Так знайте же, что при помощи этих игрушек можно вести за собой людей!» В военной среде Наполеон чувствовал себя лучше, чем где бы то ни было, потому что там все было основано на безусловном повиновении, и все сгибалось перед одной высшей властью. Естественно, что он хотел провести эти принципы военного повиновения и казарменной дисциплины и в управлении государством. Впрочем, он, быть может, не без основания, боялся ослабить свою власть. Он высказывал мнение, что только старые династии могут безнаказанно заигрывать с народом. На него же еще очень многие смотрят, как на пришельца. Известному химику Шанталю, который был членом государственного совета и стоял к нему довольно близко, он сказал, между прочим: «Моя империя рушится, как только я перестану быть страшным… И внутри и вне я царствую в силу внушаемого мной страха. Если бы я оставил эту систему, то меня не замедлили бы низложить с престола. Вот

каково мое положение и каковы мотивы моего поведения!»…

Однако, несмотря на свою раздражительность, требовательность и грубость, Наполеон умел быть обворожительным и проявлять доброту и великодушие, когда находил это нужным. Привычка к неограниченной власти, раболепство и подчинение, окружавшие его, уничтожили в нем естественные проявления добрых чувств а его эгоизм и властолюбие, разрастаясь до невероятных размеров, постепенно заглушили все зародыши этих чувств в его душе, оставив только место глубокому презрению к людям.

Уже в салонах директории, когда он обращался к мужчинам или женщинам, то всегда принимал тон превосходства. Одной француженке, славившейся своей красотой и своим умом, а также своими передовыми взглядами, он сказал: «Madame, я не люблю, когда женщины мешаются в политику!» И он сказал это так, что она прикусила язычок. Его неприятельница г-жа Сталь говорила, что когда она увидела его в первый раз, после договора Кампо-Формио, то сначала испытала чувство восхищения, а потом какой-то неопределенный страх. А между тем он тогда еще не имел никакой власти, и даже его положение считалось очень шатким, вследствие подозрительности директории. «Я скоро поняла потом, встречая его в Париже, — говорила m-me Сталь, — что его характер нельзя было определить словами, которыми мы обыкновенно пользуемся для определения людей. Его нельзя было назвать ни добрым, ни злым, ни кротким, ни жестоким. Такой человек, не знающий себе подобных, не мог ни возбуждать симпатий, ни сам ее чувствовать… Он был и больше и меньше человека… Я смутно чувствовала, что он не доступен никаким душевным эмоциям. Он смотрит на каждое человеческое существо, как на факт или вещь, а не как на себе подобное существо. Он не ощущает ни ненависти, ни любви. Для него существует только он один, все же остальные человеческие существа — только цифры… Его душа представлялась мне такой же холодной и острой, как лезвие шпаги, которая замораживает, нанося раны. Я чувствовала в нем глубокую иронию, от которой ничто не ускользало, ни великое, ни прекрасное, ни даже его собственная слава, потому что он презирал нацию, голоса которой хотел получить»… Все имело для него значение лишь с точки зрения непосредственной пользы, которую это могло принести его цели.

Действие такой беззастенчивой силы, какой обладал Наполеон, быстро сказалось на обществе, которое стало неузнаваемым, и Шенье мог с полным правом воскликнуть: «Наши армии десять лет сражались, чтобы мы стали гражданами,

а мы вдруг превратились в подданных!» Но в материальном отношении Франция начала процветать; промышленность быстро развивалась, и даже сельское хозяйство начало подниматься. Торговля увеличилась, потому что улучшились пути сообщения. Наполеон не жалел на это денег и с беспощадной энергией боролся с хищничеством. Он сам просматривал расходы министров каждую неделю и оглашал их отчеты. В сущности, как министры, так и все чиновники были его слепыми орудиями, и он даже в походной палатке просматривал все министерские бумаги, неусыпно следя за всем.

Наполеон никому не говорил, чего он хотел на самом деле, но люди, его окружавшие, прекрасно понимали, что он хочет дальнейшего расширения своей власти. Неясно было для них лишь то, в чем должно было заключаться это расширение. Наполеон хотел, чтобы нация сама, в лице своих представителей, наградила его за дарование Франции внутреннего и внешнего мира, но, разумеется, мысль об этой награде зародилась в голове у него самого, и он только внушил ее другим. После заключения Амьенского мира генералу Бонапарту был дан «блестящий залог национальной благодарности». В июле 1802 года новый плебисцит даровал ему пожизненную власть. Три с половиной миллиона голосов высказались утвердительно против ничтожного количества полуторы тысяч голосов, высказавшихся отрицательно! Наполеон, следовательно, принял свою власть из рук народа и тотчас же заявил, что в связи с этой переменой должны быть введены в конституцию и другие необходимые изменения. Услужливый сенат, конечно, пошел навстречу его желанию, и первый консул получил право назначить себе преемника, заключать договоры с иностранными державами и миловать преступников.

Франция быстро начала превращаться в монархию, и, чтобы получить корону, Наполеону оставалось только протянуть руку. Он поселился в Тюльерийском дворце, где его окружал блестящий двор. Многие из бывших эмигрантов появились при этом дворе и в значительной степени содействовали возвращению в обществе старых монархических традиций и нравов. В законодательном корпусе был поставлен бюст Наполеона, а в «день Наполеона» (15-го августа) везде в Париже засверкал его вензель. Литература, задавленная мощной рукой повелителя, не поднимала головы. Среди же послушных ему литераторов образовался кружок моралистов, покровительствуемый Жозефиной, который начал нападать на материалистов и вольнодумцев. Из этого кружка вышло и знаменитое произведение Шатобриана «Гений христианства», которое можно

смело назвать Евангелием наступившей реакции.

Немногие либералы и республиканцы, оставшиеся верными идеям свободы и равенства, не хотели все-таки признавать новую власть. Не хотели ее признавать и роялисты, и намерения их погубить Наполеона поддерживала Англия, помогая им деньгами и другими средствами. Возник новый роялистический заговор, во главе которого находился граф д'Артуа, живший в Англии, а наиболее близкое участие в нем приняли Дюмурье и Пишегрю, который был одним из членов совета пятисот, сосланных после 18-го фрюктидора в Кайенну, откуда он и бежал в Англию. Исполнителем был выбран старый вождь вандейцев, Жорж Кадудаль. Однако агенты Наполеона хорошо служили ему. Он был вовремя предупрежден. Заговорщики были арестованы и сознались во всем. Кадудаль и другие были расстреляны, а Пишегрю найден был в тюрьме повесившимся. Было ли то самоубийство или убийство, так и осталось невыясненным.

Наполеон решил воспользоваться этим случаем, чтобы нанести удар принцам королевского дома, так как на допросов Кадудаль заявил, что в заговоре участвовали эти принцы. Это было на руку Наполеону. Подозрение пало на молодого герцога Энгиенского, который в то время находился в великом герцогстве Баденском и жил на пенсию, получаемую от английского правительства. Он был влюблен в свою кузину Шарлотту де Роганъ и, быть может, это и заставило его отважиться покинуть свое безопасное убежище и очутиться вблизи самых пушек Страсбурга. Но его подозревали в том, что он находился в тесных сношениях с английскими агентами, с эмигрантами и с Дюмурье. Во всяком случае, Наполеон решил на нем показать пример. Он был схвачен французскими драгунами на чужой территории 15 марта 1804 года, привезен в Париж и приведен в военный суд. На суде он решительно отрицал всякую прикосновенность к заговору на жизнь первого консула. Никаких доказательств его виновности не было, тем не менее судьи, повинуясь воле своего повелителя, приговорили его к смерти. В ту же ночь, во рву Венсенского замка, молодой принц был расстрелян. Эта казнь невинного принца возмутила всю Европу, — и как это ни странно, но именно эта пролитая кровь легла неизгладимым пятном на памяти Наполеона в глазах потомства, прощавшего ему потоки крови, пролитые им на полях битв.

Через два месяца после этого убийства Наполеон уже был императором. Инициатива поднесения первому консулу императорского титула вышла опять-таки из услужливого сената, имевшего в виду также обеспечить этим свое собственное существование посредством введения наследственной империи.

Последний заговор на жизнь первого консула послужил для этого предлогом. Нации, радовавшейся неудаче заговора, было поставлено на вид, что он грозил опасностью всему государственному строю. Необходимо сделать дело Наполеона таким же бессмертным, как его слава, так как только наследственность высшей магистратуры может обезопасить французский народ от заговоров и от смут. Сначала, впрочем, слово «империя» не произносилось, но зато не было недостатка в ссылках на революцию, свободу и равенство, которые должна была обеспечить наследственность верховной власти. В законодательных учреждениях был поднят вопрос о поднесении Наполеону императорского титула. Этот титул, напоминавший о легионах цезаря, был наиболее подходящим для него. И вот, в особом комитете была составлена конституция (шестая с начала революции), получившая название органического сенатус-консульта XII года и доверившая республику императору. Предложение о наследственности императорского достоинства было подвергнуто затем плебесциту, и *тремя с половиною миллионов* голосов Наполеон был признан императором французов. Только 2,5 тысячи высказались против.

ГЛАВА VI

Наполеон-Император. — Военный деспотизм. — Развод. — Поиски невесты и брак. — Эпоха беспрерывных войн. — Континентальная система. — Начало конца. — Падение Наполеона. — Остров Эльба. — Сто дней. — Последний акт трагедии. — Ссылка и смерть.

Мечта Наполеона осуществилась, и менее чем в пять лет бывший республиканский генерал превратился из «гражданина Бонапарта» в «императора Франции». Тотчас же был организован императорский двор, а 2-го декабря 1804 г. сам папа Пий VII приехал в Париж, чтобы помазать народного избранника на царство в соборе Парижской Богоматери. Церемония коронации была разучена заранее на деревянных куколках, которые изображали всех участников торжества. Пий VII, конечно, желал сам возложить корону на голову Наполеона, но во время самого обряда Наполеон выхватил корону из рук растерявшегося папы и сам возложил ее себе на голову. Вообще Наполеон не церемонился с папой, и когда, после занятия французскими властями папской области, папа отлучил его от церкви, то в наказание папа был удален из Рима и сначала содержался пленником в Савойе, а затем Наполеон перевел его в Фонтенебло. Кардиналы были почти все переселены в Париж, и Рим сделался лишь вторым городом Империи. Впоследствии Наполеон дал своему сыну (от второго брака) титул короля римского.

Старый дух возрождался во Франции в новой форме. После принятия императорского титула Наполеон перестал уже стесняться формальными предписаниями конституции. Он находил, что «хорошо править можно только в ботфортах и со шпорами», поэтому его абсолютизм носил характер военного деспотизма. Этот деспотизм охватывал все стороны общественной жизни Франции. Гарантии личной свободы исчезли перед полицейским произволом, а аресты и административные ссылки сделались таким частым явлением, что уже не обращали на себя особенного внимания. Был восстановлен прежний «Черный кабинет», занимавшийся вскрытием частных писем. Были восстановлены и государственные тюрьмы, заменившие прежнюю Бастилию, а шпионство и доносы расцвели пышным цветком. Разумеется, Наполеон не оставил без внимания и народное просвещение, которое подчинил своей власти. «Моя главная цель в том, чтобы иметь средства направлять моральные и политические взгляды наций» — сказал Наполеон, и в этом

смысле стремился организовать педагогическую корпорацию. И хотя Наполеон был сам некогда членом института Франции, тем не менее он уничтожил в этом ученом учреждении отделение моральных и политических наук, под тем предлогом, что все это — одна идеология! Он относился подозрительно и к литературе, и к театру, и только покровительствовал архитектуре, живописи и музыке, а из наук — преимущественно естествознанию. Искусства и науки не должны были касаться современности и политики, а напротив, должны были отвлекать умы от занятий этими опасными предметами. Но особенно тяжело отзывался его режим на положении печати, которая была подчинена усмотрению властей. Закон же о печати, изданный Наполеоном, в сущности восстанавливал цензуру. Звание журналиста было приравнено к исполнению общественной должности, а владельцы типографий и книжных магазинов обязаны были запастись особыми патентами и принести присягу в верности. Министр полиции требовал на просмотр отдельные статьи, предназначенные для печати, и присылал для помещения в газеты свои заметки; он же назначал редакторов. Вообще Наполеон смотрел на периодическую прессу, как на орудие своей власти, и прямо предписывал министру полиции сочинять статьи, которые могли бы помещаться в газетах в виде, например, корреспонденций из-за границы. Если же редакторы газет не хотели помещать ложных известий, то им грозила за это серьезная ответственность.

Двор Наполеона своей пышностью и этикетом напоминал прежние монархии. Его мать и сестры также имели свои дворы с пышным придворным штатом, и все его родственники и приближенные получили громкие титулы. Сама Жозефина не называла своего мужа иначе, как «ваше величество», а братья Наполеона не смели садиться в его присутствии. На балах же господствовал этикет времен Людовика XIV.

Наполеон достиг уже вершины своего могущества, когда, наконец, решился на развод с Жозефиной. К этому побуждало его то обстоятельство, что она была бесплодна. Кроме того, он желал породниться с европейскими монархами. Когда он женился на Жозефине, то был страстно в нее влюблен, она же относилась к нему боле, чем равнодушно, и во время его пребывания в Египте вела себя очень предосудительно. Потом она сделалась покорной и преданной супругой, живя под вечным страхом развода. Впрочем, Наполеон всегда был внимателен и нежен с нею. По-видимому, и ему было нелегко решиться на развод, и Жозефина рассказывала, что он обливался слезами, прощаясь с нею. Она уступила его настояниям и в конце концов дала свое согласие. Он же постарался насколько возможно облегчить ее судьбу, оставил

ей титул императрицы, ее двор и достаточные средства для удовлетворения прихотей и любви к нарядам. Но она прожила только четыре года после этого и умерла в Мальмезоне, который был ее резиденцией.

Однако Наполеону было не так легко найти для себя невесту. Он не хотел брать ее из вассального дома, а желал породниться с которою-нибудь из державных династий Европы. Сначала он подумывал о русской принцессе, одной из сестер русского императора, великой княжне Екатерине Павловне. Это было вскоре после Тильзитского мира, установившего дружбу между Францией и Россией. Император Александр I подал надежду Наполеону, но в то же время говорил о затруднениях, выдвигаемых императрицей матерью. Великая княжна была сосватана за принца Ольденбургского, и тогда предметом переговоров явилась ее сестра Анна, которой было только четырнадцать лет. Но переговоры затягивались, выдвигались все новые затруднения, пока, наконец, Наполеон, которому надоело все это, не объявил, что он отказывается. Другие переговоры, которые начаты были с австрийским домом, увенчались успехом, и Наполеон получил руку дочери австрийского императора, восемнадцатилетней Марии Луизы. Бракосочетание было совершено 1 апреля 1810 г. с невероятной пышностью, и пять королев несли шлейф французской императрицы. Через год у Наполеона родился сын, получивший титул Римского короля. Мечта Наполеона иметь наследника исполнилась.

Эпоха его управления государством была временем почти беспрерывных войн, и отдельные государства Европы становились то на его сторону, то действовали против него. Впрочемъ, война была его стихией, а его победы делали его повелителем европейского материка. В его воображении уже носилась идея «всемирной монархии под главенством Франции». Наполеону, действительно, удалось переделать политическую карту Европы и поочередно победить все главные государства. Одна только Англия, господствовавшая на море, не была им побеждена и не желала вступать с ним ни в какие сделки. Хотя Наполеон и заключил мир с Англией в начале своего правления, но этот мир не мог быть продолжительным. Английское правительство не оставляло без отпора самовольные поступки Наполеона, его захваты и правонарушения. Наполеона особенно раздражала существовавшая в Англии свобода печати, которая давала возможность роялистам и республиканцам печатать там свои сочинения, направленный лично против него и против установленного им во Франции порядка вещей. Отчасти поэтому Наполеон так и стремился победить Англию. Это желание и

заставило его придумать *Континентальную систему,* посредством которой английские товары исключались из европейских рынков. Он думал нанести вред материальным интересам Англии, но экономическое состояние и самой Франции сильно пострадало от этого.

Новый военный период, начавшийся во Франции с 1803 г., окончился только с падением Наполеона. Вначале одна обеда шла за другой, все более утверждая в Европе господство Франции. Победа под Аустерлицем, где произошла знаменитая битва «трех императоров» (русского, австрийского и французского), Пресбургский мир, знаменитый Тильзитский мир, сопровождавшийся свиданием русского и французского императоров на плоту посреди реки Немана и отдавший в распоряжение Наполеона всю западную Европу, страшно высоко подняли его значение. Пруссия была побеждена под Йеной и Ауэрштедтом, и остатки ее армии бежали. Даже королевская чета бежала к русским в Мемель, а главнокомандующие, Блюхер и Шарнгорст, попали в плен. «Наполеон дунул на Пруссию — и она перестала существовать»! — сказал Гейне. Действительно, Пруссии пришлось выплатить ужасающую контрибуцию. Наполеон начал взимать с ее жителей немилосердные налоги.

После Тильзитского мира Наполеон поднялся на небывалую высоту. Его окружала теперь свита венценосцев, так как своих братьев он сделал королями, а сестру королевой. Кругом все ему подчинялось, и он стал подготовлять свой крестовый поход на Англию. Завершением Тильзита было Эрфуртское свидание с Александром I в сентябре 1808 года, которое могло удовлетворить даже гигантское честолюбие Наполеона. Сидя в театре он любовался на партер из королей. Ему все льстили, а мелкие государи чуть не прислуживали ему за столом. Он же со всеми держал себя надменно, и только такое светило немецкой литературы, как Гёте, удостоился его любезного внимания. Впрочем, и Гёте воспевал его. Но звезда Наполеона, достигнув зенита, стала склоняться к закату. Опьянение собственным величием, властью и славой, заставляло его забывать о чувствах других народов, судьбами которых он распоряжался по своему произволу, пренебрегая их правами и интересами. Везде, где утверждалась его власть, он вводил деспотический режим и кроме того приносил материальное разорение своими войнами, контрибуциями, конскрипциями и континентальной системой. В ненависти к нему объединялись все классы. Нарождалась против него новая сила — национализм, и прежде всего ему пришлось столкнуться с ней в Испании. Восстание испанцев послужило сигналом к освобождению остальных народов от цезаризма.

Пока с Наполеоном боролись только отсталые правительства, посылавшие против него такое же отсталое войско, он всегда выходил победителем. Его даже приветствовали, как носителя прогрессивных идей. Но теперь начиналась борьба с ним народов, вступавшихся за свои попранные права. И она-то сгубила его.

Недовольство началось и в самой Франции, истощенной войнами, ростом налогов и последствиями континентальной системы. Народы мечтали о покое и о том, чтобы положить конец непомерному властолюбию Наполеона. Континентальная система довела и Россию до торгового кризиса, и вот 1811 год начался тем, что Россия сразу нарушила ее, не только облегчив ввоз английских товаров, но и затруднив ввоз произведений Франции. С этой минуты Наполеон начал готовиться к войне с Россией.

Русский поход 1812 г. явился, по меткому выражению Талейрана, «началом конца». Но этот конец давно можно было предвидеть. Неудача Наполеона в России отразилась в европейских государствах, воспользовавшихся этим, чтобы свергнуть столь тягостное для них владычество французского императора. Возникла новая европейская коалиция, и трехдневная *битва народов* под Лейпцигом нанесла решительный удар могуществу Наполеона. В начале 1814 г. союзные войска перешли французскую границу, а через три месяца они были уже в Париже.

Положение Наполеона в самой Франции уже сильно пошатнулось к тому времени, и он сам это понимал, поэтому он так и боялся вернуться в свою столицу побежденным, зная, что это подорвет его престиж. Деспотизм и постоянные войны тяжело отражались на нации, и, главное, все чувствовали, что установленный им порядок держится только им одним. Вначале к Наполеону примкнули люди, действительно видевшие в нем спасителя Франции от угрожавшей ей анархии и разгрома извне. Но потом его тираническая власть оттолкнула их, и около него сгруппировались исключительно только те, которые преследовали личные цели, добивались власти, почета и богатства. Служение императору могло все это доставить им, и, пока им было выгодно, они служили. Но разумеется, такие люди легко могли изменить ему, как только счастие повернулось к нему спиной, и в этом Наполеону скоро пришлось убедиться. Да и нация, возлагавшая столько надежд на Наполеона, чувствовала себя утомленной и разочарованной. Особенно раздражали ее постоянные наборы, лишавшие бесчисленные семьи работников во цвете лет, и постоянные войны, разорявшие страну. Конечно, все это подготовляло оппозицию, которая, в конце концов должна была привести к катастрофе. Победы Наполеона, конечно,

льстили тщеславию французов, но очень многие уже начали высказывать сомнение в том, что политика императора соответствует интересам Франции. Число уклоняющихся от военной службы с каждым годом возрастало, несмотря на строгие меры, и в 1811 г. оно достигло огромной цифры 80-ти тысяч человек.

Во время русского похода в Париже распространился ложный слух о смерти Наполеона, и этим слухом не замедлил воспользоваться республиканский генерал Мале, с целью государственного переворота и низвержения империи. Ему удалась даже увлечь за собой часть гарнизона, но его схватили и вместе с его сообщниками предали военному суду, который и приговорил его к смертной казни. Наполеон вышел из себя, когда узнал об этом. Его поразило главным образом то, что публика отнеслась равнодушно к этой дерзостной затее, и заговорщикам легко поверили гражданские и военные власти. «Разве все дело только в одном человеке, а присяга и учреждения ничего не значат?» — воскликнул он. Но в созданной им Франции, действительно, все дело было только в нем одном. В первый раз, открывая сессию законодательного корпуса в 1813 г. после русского похода, Наполеон тревожился мыслью, как сойдет она? Сенат все еще льстил ему, но в ответном адресе законодательного корпуса замечалась уже резкая критика его политики. Узнав об этом, Наполеон потребовал из типографии первый корректурный оттиск адреса и, познакомившись с его содержанием, запретил его печатать и распустил законодательный корпус, к которому он обратился во время прощальной аудиенции с очень резкой речью. Эта мера очень оскорбила депутатов, оппозиционное настроение усилилось, а между тем союзники уже вступали на территорию Франции, и их вторжение не вызывало того подъема духа, который характеризовал настроение нации в прежние времена. Вот почему союзники могли не бояться народной войны.

Однако союзные государи вначале еще пытались склонить Наполеона к заключению мира. Но он противился и объявил австрийскому уполномоченному князю Меттерниху, что не может вернуться побежденным в свою столицу. Во Франции, при дворе и в обществе, все были проникнуты убеждением, что необходимо заключить мир. К коалиции присоединялись все новые и новые члены, а Франция была истощена борьбой и страстно желала конца беспрерывной войны. Наполеон же ни за что не хотел согласиться на мир на предлагаемых условиях: он боялся за свой престиж в самой Франции. В виду его упорства, решено было низложить его, и, только боясь народной войны во Франции, союзники продолжали переговоры о мире. Когда же союзники

взяли приступом высоты Монмартра и торжественно вступили в беззащитную столицу Франции, то участь Наполеона была решена. Он сам находился в это время в Фонтенебло, а его жена Мария Луиза и его брат Иосиф, которому он поручил столицу, учредив регентство с императрицей во главе, поспешили бежать из Парижа, как только неприятель начал приближаться. Услужливый и льстивый сенат, собранный Талейраном, тотчас же отвернулся от Наполеона и 1 апреля 1814 г. объявил его низложенным. Его приближенные, люди всем ему, обязанные, один за другим покидали его: Мармон, его товарищ юных лет, первый изменил ему и даже перешел на сторону врагов. Узнав о его измене и о низости сената, Наполеон воскликнул: «Меня часто упрекали в презрении к людям. Теперь должны признать, что я был прав!» Четыре маршала — Ней, Лефевр, Макдональд и Удино — бывшие всегда наиболее близкими ему, потребовали от него, чтобы он подписал полное безусловное отреченье, как того хотели союзники. Он еще противился, зная, что в войске найдутся генералы и солдаты, готовые биться за него до последней капли крови, но маршалы настаивали и, покинутый своими приближенными, он уступил. Твердой рукой он написал: «В виду заявления держав, что император Наполеон служит единственным препятствием к восстановлению мира в Европе, император Наполеон заявляет, что отказывается за себя и за своих наследников от престолов Франции и Италии, ибо нет такой личной жертвы, которую он не был бы готов принести ради блага Франции!»

Ночью с ним сделался сильнейший припадок, и поэтому распространился слух, что он отравился. Однако этот слух ничем не подтверждается. Утром он был здоров и перед отъездом на остров Эльбу, который отдан был ему во владение, с сохранением императорского титула и денежной пенсией в два миллиона франков в год, — Наполеон сказал: «Меня станут осуждать за то, что я пережил свое падение. Это несправедливо. Я не вижу ничего великого в том, чтобы покончить с собой, как проигравшийся игрок. Надо иметь гораздо больше мужества, чтобы пережить незаслуженное несчастие!»

Быстро опустело все вокруг павшего величия. Его генералы, приближенные, слуги и даже его врач Корвизар, с которым он так часто шутил во время утренних визитов, покинули его! Он простился со своими гренадерами, поцеловал знамя и уехал в изгнание. Уже на другой день после этого Париж наводнился брошюрами, листками и карикатурами, направленными против Наполеона. В южных департаментах толпа встретила Наполеона враждебными криками, и он даже должен был переодеться и

скрываться, чтобы избежать наемных убийц. В Оргоне народ даже приволок виселицу и бросился к карете, в которой его везли, и только русский уполномоченный граф Шувалов, сопровождавший его в ссылку, защитил его от насилия толпы.

4-го мая, на другой день после того, как Людовик XVIII торжественно въехал в Париж, Наполеон, еще так недавно повелевавший Европой, высадился на берег в своем новом, маленьком царстве.

«Я рожден и создан для работы, я не знаю в работе пределов и работаю всегда!» сказал однажды про себя Наполеон на вершине своего могущества. И в этой фразе не было хвастовства. Но его новое крошечное царство не давало простора его энергии, и весь остров он мог объехать кругом в два дня. Однако все же он немедленно принялся за работу и занялся устройством своего нового владения, быстро изучив его во всех деталях. Его мать Летиция приехала к нему, чтобы разделить с ним несчастье, как прежде разделяла счастие. Навестила его и сестра Полина и красавица графиня Валевская, с которой у него была мимолетная связь во время русско-прусского похода. Варшавская знать подослала к нему эту красавицу, которая должна была поймать в свои сети Наполеона и склонить его в пользу Польши. Но Валевская полюбила его, и их короткая связь ознаменовалась рождением сына. Однако Наполеон забыл о ней, и когда женился на Марии Луизе, то сделался вполне добродетельным супругом. К ней и к своему маленькому сыну, которого он нежно любил, устремлялись теперь все его мечты. Но Мария Луиза, выданная замуж по воле отца, вовсе не стремилась к своему опальному супругу, и в объятиях графа Нейпперга, камергера, приставленного к ней, она скоро забыла об изгнаннике и о блеске своего прежнего положения. Это был один из самых тяжелых ударов, постигших Наполеона.

Между тем в Париже началось брожение Бурбоны и возвратившиеся с ними все их приверженцы ничему не научились и ничего не забыли в изгнании. Быстро шло восстановление дореволюционных порядков и, главное, уничтожение всех мер Наполеона против феодализма. Вообще, правительство Людовика XVIII точно нарочно делало все, чтобы восстановить против себя народные массы и армию. Беспрестанно вспыхивали бунты и распространялись слухи о возвращении Наполеона. Распространялись о нем целые легенды и появилось множество изображений Наполеона, медалей, статуэток, и на улицах часто оказывались плакаты с надписями: «Радуйтесь друзья великого Наполеона! Он опять будет с нами! Роялисты трепещут! Да здравствует император! Он был и он будет! Проснитесь, французы

— Наполеон пробуждается!»… и т. д. и т. д. Словом, происходило как раз обратное тому, что было тотчас после падения Наполеона. Возрождался культ Наполеона, еще раз показавший, насколько прав был Наполеон, говоря, что французы дорожат, главным образом, социальными приобретениями революции. Как только возникла опасность, что будет восстановлено старое общественное неравенство, то нация тотчас же повернулась к Наполеону и готова была идти за ним. Буржуазия тоже испугалась, что роялисты отменят конституционную хартию 1814 г., обещавшую политическую свободу. Маршалы и генералы, отпавшие от Наполеона и перешедшие на службу к новым господам, постоянно подвергались оскорблениям со стороны прежней роялистской знати, что, конечно, чрезвычайно их раздражало. Начинали возникать заговоры, в которых принимали участие люди самых разнообразных убеждений, но сходившиеся в одном, что надо устранить Бурбонов, а там уж видно будет!

Наполеон жил на своем острове под бдительным надзором держав, но, несмотря на это, он знал, что творится во Франции, знал также, что державы, для которых все же он был страшен, поговаривали на венском конгрессе о том, чтобы сослать его куда-нибудь подальше от Европы. Он изнемогал на своем острове от безделья и от тоски, напрасно поджидая жену и сына. К тому же и французское правительство не высылало ему денег, которые обязалось выплачивать ему по договору в Фонтенебло. Он знал также о раздорах, которые происходили на конгрессе из-за дележа добычи, и тогда же решил вернуться во Францию. Все было подготовлено в величайшей тайне. Он вошел в сношение с итальянцами, которые стонали под австрийским игом, и, наконец, 26 февраля 1815 года его маленькая флотилия вышла ночью из гавани острова. Она не успела отплыть далеко, когда показался крейсер, который должен был следить за островом, но он пришел слишком поздно. 1-го марта Наполеон уже высадился на французский берег. Перед своим отплытием с острова, он уже приготовил три прокламации в напыщенном стиле времен революции. Он обращался к армии, говорил, что солдаты не были побеждены врагом, а поражение Франции было следствием измены. Армии будет возвращена ее слава. Свое отречение он объяснял самопожертвованием ради блага родины. Он говорил: «Пусть государь, царствующий над вами и посаженный на мой престол силой иноземных армий, опустошивших нашу территорию, ссылается на принципы феодального права, но он может обеспечить права и честь лишь незначительной кучки, лиц, врагов народа, которых народ осуждал, во всех своих национальных собраниях… Французы! Я услышал в своем

изгнании ваши жалобы и желания. Вы требовали возвращения правительства, выбранного вами и потому единственно законного»… В заключение Наполеон обещал сохранить народу свободу и равенство, приобретенные такой дорогой ценой.

Наполеон несколько опасался южных провинций, помня, как враждебно встретили его там, когда он отправлялся в изгнание. Поэтому он отправился в обход, через горы, еще покрытые снегом. Но уже по пути к нему начали присоединяться солдаты и народ, и его отряд все увеличивался. В Дофине толпа восторженно встретила его, и его путешествие в Париж превратилось уже в торжественное шествие. В Гренобле он наткнулся на королевский батальон, посланный, чтобы захватить его. Он вышел к солдатам один, безоружный, в своем знаменитом сером сюртуке, и, раскрыв грудь, крикнул гренадерам: «Кто из вас хочет застрелить своего императора?» С криком: «Да здравствует император!» солдаты побросали свои белые кокарды и, вместе с офицерами, с триумфом проводили его в Гренобль. По дороге к ним присоединялись тысячи крестьян, и дальше уже массы народа сопровождали его от одной деревни к другой. Это было беспримерное шествие и остановить его было невозможно. Войска, которые посылались ему навстречу, переходили на его сторону и только увеличивали число его приверженцев. Маршал Ней, покинувший его раньше и даже похвалявшийся, что он привезет его в Париж в клетке, теперь перешел на его сторону со всем своим отрядом.

Свершилось неслыханное в истории событие — и словно сбылось пророчество одной из его прокламаций, что «его орел пролетит от колокольни к колокольне, до самых башен собора Парижской Богоматери!»

Роялисты растерялись и началось повальное бегство из Парижа. Бежал и король Людовик XVIII с такой поспешностью, что даже забыл в своем письменном столе секретные донесения Талейрана из Вены. А вечером, 20-го марта, Наполеон уже занял свои прежние покои в Тюльерийском дворце.

Франция снова переживала период сильнейшего возбуждения. В сущности, восстановление империи было совершено самим народом, хотя и с помощью армии. Крестьяне и рабочие переходили на сторону Наполеона даже раньше солдат, потому что видели в его возвращении гарантию, что главные приобретения революции будут сохранены. Как-будто снова начиналась революция, возникали союзы и клубы «для защиты свободы», «для защиты прав человека», «для борьбы с инквизицией монахов и тиранией дворян» и т. д., и т. д. На улицах Парижа опять стали раздаваться звуки революционных

песен и показались красные фригийские шапки. Газеты и брошюры заговорили революционным языком и даже появилась проповедь террора ради спасения отечества. У многих действительно возникали опасения, что возобновятся революционные ужасы, и Наполеон мог с полным правом сказать тогда: «Мне стоит только сделать знак или даже просто только посмотреть сквозь пальцы, — и дворяне будут перебиты во всех провинциях. Но я не хочу быть королем Жакерии!»…

Наполеон, конечно, желал бы вернуть прежнюю полноту власти, но ему со всех сторон давали совет отказаться от абсолютизма. Впрочем, он и сам видел, что надо дать Франции более либеральную конституцию. Он уже отменил цензуру, чем широко воспользовалась печать, а для выработки проекта конституции он образовал особую комиссию, в числе членов которой попал и Бенжамен Констан, несмотря на то, что он написал памфлет, направленный против *тирана,* как только узнал о бегстве Наполеона с Эльбы.

Так началась знаменитая империя *Ста дней,* представлявшая, в сущности, отчаянную борьбу человека с превратностями судьбы. Наполеон по-прежнему обнаруживал громадную энергию и опять работал по 16–18 часов в сутки. Новая конституция, так называемый дополнительный акт, была объявлена в апреле, а 1-го мая издан был декрет о выборах представителей. Затем произошло 1-го июня на Марсовом поле собрание делегатов избирательных коллегий, известное под именем *Майского поля.* Все были торжественно настроены и ожидали чего-то необыкновенного, но все дело ограничилось пышными бессодержательными фразами, сказанными Наполеоном, и все почувствовали себя разочарованными. С самого начала обнаружилась натянутость отношений. Заявлениям Наполеона мало доверяли и сомневались в его искренности, и поэтому, в своем ответном адресе на тронную речь, палаты преподали ему наставления, которые его очень обидели. Впрочем, и Наполеон чувствовал себя не на своем месте в роли конституционного монарха. Но силы его были уже не те. Он начал обнаруживать нерешительность, то падал духом, то раздражался, а иногда делался задумчив и кроток, и плакал, глядя на портрет своего сына. Близкие люди говорили, что просто не узнают его!

Возбуждение, охватившее народ при возвращении Наполеона, стало падать. В палату депутатов были избраны в большинстве либералы и республиканцы. Из провинций Наполеону доносили, что всеми снова овладевает уныние. Все боялись новой войны, а между тем она была неизбежна. Известие о возвращении Наполеона разразилось, как гром, на Венском конгрессе, где

съехавшиеся на конгресс монархи и дипломаты развлекались и ссорились из-за дележа Наполеоновского наследия. Дело могло дойти до полного разрыва и даже до войны. Но появление Наполеона, произведшее впечатление разорвавшейся бомбы, примирило всех, и вновь образовалась коалиция, чтобы в последний раз низвергнуть Наполеона и окончательно лишить его возможности творить зло!

Наполеон тщетно пытался уверить державы в своем миролюбии и обращался к ним с мирными предложениями. Ему никто не верил и не принимал его предложений. Даже письма его оставались нераспечатанными. А его жена объявила, что она не желает возвращаться в Париж и заменила французскую гувернантку у своего сына, «римского короля», австриячкой!

И вот начался последний акт трагедии. Но Наполеон уже не был прежним баловнем счастья, и его твердая вера в свою судьбу пошатнулась. Это замечали и все его полководцы. 18-го июня произошла знаменитая битва при Ватерлоо, закончившая политическую карьеру Наполеона. Французская армия, под начальством самого императора, была разбита англо-прусским войском под начальством Блюхера и Веллингтона. Это была страшно кровавая битва, стоившая союзникам еще больше жертв, нежели французам. Наполеон поскакал в Париж, а за ним осталось поле, усеянное 30.000 убитых, своих и врагов, которые поплатились сильнее, хотя и одержали победу. Блюхер погнался за уцелевшими остатками французского войска, а за ним и вся вооруженная Европа направилась к границам Франции. В Париже произошло смятение. Но Наполеон еще не считал все потерянным, так как враги подвигались врассыпную и действовали вяло и недружно. На границе крупные французские отряды победоносно отражали натиск русских и австрийцев. Рабочие предместий и беглецы из-под Ватерлоо кричали об измене и требовали диктатуры. Буржуазия же боялась новых войн. 22-го июня палата представителей потребовала от Наполеона, чтобы он отрекся от престола в пользу своего сына. Наполеон растерялся и подписал отречение. Тотчас же была назначена директория или временное правительство, под председательством Фуше. Наполеон же удалился в Мальмезон.

Так кончилась империя Ста дней. Союзники опять подступили к стенам Парижа и громили его форты, а дивизия ветеранов, проходившая мимо Мальмезона, кричала: «Да здравствует император! Долой Бурбонов! Долой изменников!» Наполеон послал сказать директории: «Сделайте меня простым генералом. Мне хочется только раздавить врага, принудить его к благоприятному миру. Затем я удалюсь». Но ему не поверили. Он

был слишком опасен, и Фуше отвечал, что не ручается даже за его личную безопасность, настаивая на том, чтобы он поскорее покинул почву Франции. И, действительно, оставаться было не безопасно, так как союзники уже вступили в Париж, летучие отряды Блюхера повсюду разыскивали Наполеона, чтобы расстрелять его, а шпионы Бурбонов искали его, чтобы повесить. Наполеон бежал в Ромдорф. А там на рейде уже показались английские корабли. Но вместе с властью, как-будто и энергия покинула его. Он не знал, на что решиться. Сначала он хотел бежать в Америку. Капитан одного судна, на котором он собирался совершить это путешествие, сказал, что он почтет за великую честь и счастье везти его. Но ускользнуть от англичан было невозможно, и Наполеон решил сам отдаться в руки врага, с которым так долго боролся. Он обратился к капитану крейсера и написал следующее письмо принцу-регенту: «Подобно Фемистоклу, прихожу к очагу британского народа и отдаю себя под защиту его законов». Капитан английского крейсера «Беллерофон» принял его с подобающими почестями, и 26-го июня Наполеон увидел английские берега. Но ему так и не удалось вступить на почву Англии. Слишком много накопилось против него злобы в Европе. Несмотря на то, что он сам сдался, союзники все-таки решили считать его военнопленным и, следовательно, расстрелять. Но британское правительство не решилось на это. Наконец, 30-го июля Наполеону был передан ответ держав, гласивший, что «для того, чтобы отнять у *Генерала Бонапарта* (теперь он уже был лишен императорского титула) возможность в будущем нарушать мир Европы, его местопребыванием избирается остров святой Елены». Наполеон протестовал и назвал этот акт насилием и нарушением международного права, так как он сдался сам, добровольно и без всякого принуждения, потому что мог еще продолжать войну, имея Луарскую армию в своем распоряжении. Он говорил, что сдался, чтобы положить конец страданиям человечества, что бесславный поступок с ним победителей покрывает их бесчестием. Потомство их осудит! На прощание он воскликнул: «Позор моей смерти завещаю царствующему дому Англии!»

После двухмесячного плавания он, наконец, увидал свое место ссылки — маленький вулканический остров, в 100 верст в окружности. Сначала его временно поместили в доме одного английского купца, недалеко от скалистого морского берега, напоминавшего ему своими ущельями и своею растительностью его далекую родину — Корсику. Но через две недели его перевели в предназначенное для него жилище, бывшее прежде фермой. Это было длинное, низкое я сырое здание, стоявшее на вершине голой

скалы, обвеваемой ветром. Там он поместился со своей небольшой свитой. Кругом стояли часовые, и он мог свободно двигаться только внутри линии постов. Если же он хотел выйти за эту линию, то его должен был сопровождать английский офицер. Губернатора острова, Гудсон Лоу, часто обвиняли в том, что он мелочной придирчивостью отравлял жизнь своему пленнику. Но, по-видимому, эти обвинения не вполне основательны, хотя, конечно, возможно, что Гудсон Лоу, как педантичный исполнитель долга, мог быть тягостен Наполеону, который с трудом переносил свой плен. Впрочем, все записки о его пребывании на острове св. Елены признают, что Наполеон держал себя с достоинством. В конце концов, он примирился со своей участью и начал писать свои записки и военные заметки. Он принялся также и за свою автобиографию. Днем он писал или работал в своем садике, за обедом же все собирались вместе, причем соблюдался этикет даже в костюмах. По вечерам он беседовал со своими приятелями и предавался воспоминаниям о прошлом. Он много читал и в особенности интересовался английскими газетами. Однако, он не переставал надеяться на освобождение, только уже не думал о побеге, а ждал поворота в европейской политике. Он не считал возможным, чтобы Бурбоны могли укрепиться во Франции, и в этом отношении он оказался пророком.

Задатки каменной болезни, по-видимому, наследственной, которая унесла его в могилу, были у него уже тогда, когда он приехал на остров. С годами болезнь начала развиваться, и временами он сильно страдал. Он прожил на острове шесть лет, но последние два года был все время болен и под конец совсем уже не переносил никакой пищи. О смерти он думал спокойно и заранее даже написал свое завещание. Он оставался до конца нежным мужем и отцом и страдал от разлуки с сыном, которого ему так и не суждено было увидеть. Принадлежащие ему шесть миллионов франков он распределил между всеми, кто оказывал ему какие-либо услуги с самого его детства.

5 мая 1821 года Наполеона не стало. Прах человека, мечтавшего о мировом господстве, этого гиганта, потрясшего Европу до самых оснований, был погребен на маленьком острове, на вершине скалы, окруженной океаном, а над могилой его была положена простая каменная плита, на которой его победители не разрешили даже выгравировать слово «император», напоминавшее о его былом величии. Но через 20 лет его предсмертное желание исполнилось, и в 1840 году его прах был торжественно перевезен во Францию, где он и покоится в Доме Инвалидов, им же самим построенном.

А на маленьком острове, на вершине скалы, откуда Наполеон так часто с тоской смотрел на пустынный океан, стоит теперь французский часовой и оберегает пустой дом, где некогда жил и страдал пленный император.